

Владимир Муравьев

МОСКОВСКИЕ
ПУТЕВОДИТЕЛИ

МОСКОВСКИЕ СЛОВА, СЛОВЕЧКИ И КРЫЛАТЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ

Владимир Браниславович Муравьев
Московские слова, словечки
и крылатые выражения
Серия «Московский путеводитель»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17832777

Московские слова, словечки и крылатые выражения / Владимир Муравьев: Алгоритм; Москва;

2007

ISBN 978-5-9265-0301-9

Аннотация

Книгу известного писателя и исследователя столицы нашей родины, председателя комиссии "Старая Москва" Владимира Муравьева с полным правом можно назвать образцом "народного москвоведения", увлекательным путеводителем по истории и культуре нашего города. В ней интересно и подробно рассказывается о чисто московских словах и словечках, привычках и обычаях, о родившихся на берегах Москвы-реки пословицах и поговорках, о названиях улиц и переулков и даже о традиционных рецептах московских блюд.

Содержание

Предисловие	4
Душа Москвы	7
Пословицы, поговорки, крылатые слова	20
О пословицах, поговорках и крылатых словах	20
И Мамай правды не съел	22
Шемякин суд	27
Филькина грамота	30
Москва бьет с носка	33
Божий суд	35
Вот тебе, бабушка, и Юрьев день	38
Митькой звали	42
У семи нянек дитя без глазу	46
Борода-то Минина, а совесть-то глиняна	48
Делу время, а потехе час	51
Коломенская верста	54
Долгий ящик	57
Одним миром мазаны	59
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Владимир Муравьев

Московские слова, словечки и крылатые выражения

Предисловие

В Москве всегда и во всех сословиях ценилось выразительное слово, яркий эпитет, точное определение, певучая строка, складное присловье и замысловатый рассказ. Эта любовь москвичей к слову, умелое до виртуозности использование его в речи, богатство лексики народного языка, вбиравшего в себя сокровища всех русских говоров и из них создававшего общерусский литературный язык, – все это нашло воплощение в фольклоре и в русской классической литературе.

С.В. Максимов, автор широко известной и много раз переизданной книги «Крылатые слова», отводит московскому народному слову особое место в русском фольклоре.

С одной стороны, он отмечает общерусские корни всего московского: «Москву собирала вся Русь и сама в ней засела».

А с другой – московскую своеобычность: «За долгие и многие годы Москва успела выработать свои обычаи и наречия, свои песни, пословицы и поговорки и привела их во все-народное обращение вследствие долговременных связей и неизмеримо обширного знакомства с ближними и дальними русскими областями. Недаром говорится, что отсюда (обычно имеется в виду название какого-нибудь весьма отдаленного от столицы места, где бытует поговорка. – В.М.) до Москвы мужик для поговорки пешком ходил».

Меткое и выразительное, обрисовывающее ту или иную жизненную ситуацию, характер того или иного человека, общепонятное, общеупотребительное пословичное слово, если вдруг задуматься не над переносным его значением, а над прямым смыслом, часто представляется загадочным и (говоря словами С.В. Максимова) «либо темною бессмыслицею, либо даже совершенной чепухой».

Но зато какой глубиной и красками наполняется пословица, если становится известно ее происхождение, события, породившие ее. Только узнав это, понимаешь, как много стоит за пословицей или за одним-единственным метким словом, и лишь тогда сможешь по-настоящему понять их и насладиться их совершенством.

Москвичи всегда отличались пытливостью и любили все объяснять и растолковывать. А.Н. Островский в «Записках замоскворецкого жителя» отметил эту страсть москвичей и добродушно посмеялся над ней.

«Страна эта, – начинает свой очерк о Замоскворечье Островский, – по официальным известиям, лежит прямо против Кремля, по ту сторону Москвы-реки, отчего, вероятно, и называется Замоскворечье. Впрочем, о производстве этого слова ученые еще спорят. Некоторые производят Замоскворечье от скворца; они основывают свое производство на известной привязанности обитателей предместьев к этой птице. Привязанность эта выражается тем, что для скворцов делают особого рода гнезда, называемые скворечниками. Их вот как делают: сколотят из досок ящичек, совсем закрытый, только с дырочкой такой величины, чтобы могла пролезть в нее птица, потом привяжут к шесту и поставят в саду либо в огороде. Которое из этих словопроизводств справедливее, утвердительно сказать не могу. Полагаю так, что скворечник и Москва-река равно могли послужить поводом к наименованию этой страны Замоскворечьем, и принимать что-нибудь одно – значит впасть в односторонность».

В очерках, входящих в эту книгу, автором предпринята попытка объяснить некоторые пословицы, поговорки, названия, то, что Максимов называл «крылатыми словами», которые вызвали к жизни и ввели в русскую речь московская история и московский быт.

Разнообразны и выразительны московские топонимы – названия урочищ-районов, улиц, переулков. Каждое старинное московское название – это не только звучное и красивое слово, они давались со смыслом и рассуждением и обязательно по какому-то характерному признаку, которым отличались улица или переулок от других улиц и переулков. В наименовании улицы существовали свои законы, поэтому, зная их, можно проникнуть в тайну даже таких загадочных московских названий, как Арбат, Зацепя, Балчуг...

О некоторых из них рассказывают очерки «Истинно московские названия».

Речь, слово – первоначало и фольклора – народного творчества, и литературы – произведений писателей-профессионалов. В прежние времена, до того, как в русский язык вошли слова «фольклор» и «литература», и то и другое носило единое название – словесность. Это справедливо, так как граница между ними весьма зыбкая и неопределенная.

В этой пограничной области существует целый пласт словесного творчества, обычно никуда не включаемый, – сочинения прикладного, бытового характера. О некоторых его «жанрах» – выкриках уличных торговцев, заказных стихотворных поздравлениях и других «бытовых» сочинениях старой Москвы – прочтете в этой книге.

Московская речь дала жизнь и московской профессиональной литературе.

Поэт XVIII века А.А. Палицын написал большое стихотворение «Воспоминание о некоторых русских писателях моего времени», главное место в нем посвящено московским поэтам, успехи которых, как полагает автор, обусловило то, что они постоянно слышали московскую народную речь.

Московский никогда не умолкал Парнас,
Повсюду муз его был слышен мирный глас —
Живущим внутри иль вокруг сея градов царицы,
Языка чистого российского столицы,
И должно в нем служить всем прочим образцом.
Не легче ль в той стране быть сладостным певцом,
Красноречивым быть творцом,
Где все, что окружает,
Природный к слову дар острит и умножает?..
Где слышны верные в языке ударенья
В жилищах поселян, среди уединенья.
В окрестностях Москвы, и в рощах, и в полях,
В народных всех речах,
В их песнях, в шутках их, пословицах, в играх
Блистают правильность и острота в словах...
Московский говорит крестьянин, как и князь:
Произношение их равно и в речи связь,
Иль часто лучше тех князей и к смыслу ближе,
Которые язык забыли свой в Париже.
Прелестна мне Москва с окрестностями ея,
Тем боле, что люблю язык свой страстно я...

Все, что так многословно и обстоятельно, но верно и справедливо поведал наблюдательный А.А. Палицын, в 1830-е годы вместило в себя афористически краткое высказывание А.С. Пушкина: «Альфиери изучал итальянский язык на флорентийском базаре: не худо

нам иногда прислушиваться к московским просвирам. Они говорят удивительно чистым и правильным языком».

Московская тема в русской поэзии имеет давнюю традицию, первые стихи о Москве были написаны в XVII веке. О Москве писали не только москвичи, но все же лучшие стихи о ней написаны теми поэтами, которые имели возможность пожить в московской речевой стихии, проникнуться ею. Впрочем, знакомство с московской речью вообще обогащало язык писателя. Недаром Н.М. Языков, о котором А.С. Пушкин писал: «Сей поэт удивляет нас огнем и силою языка», призывал:

Поэты наши! для стихов
В Москве ищите русских слов!..

При написании этой книги использованы многочисленные литературные источники: словари русского языка, исторические документы, публикации фольклора, мемуары, произведения художественной литературы, а также собственные наблюдения автора над живой московской речью, которую он имеет счастье слышать со дня своего рождения.

Душа Москвы

Описания внешнего облика Москвы и жизни москвичей иностранными путешественниками и самими москвичами похожи на разгадывание какой-то загадки, в них всегда присутствует нота удивления. В путеводителях XVIII – начала XIX века, в произведениях писателей и поэтов рассказ о Москве обычно сопровождается множеством эмоциональных восклицаний, но при этом чувствуется, что почти всегда сами авторы бывают как бы не удовлетворены написанным. Среди художников-видописцев начала XIX века, много рисовавших Москву, бытовало мнение, что «Москва никому не дается». То же «не дается» испытывали, обращаясь к московской теме, и литераторы.

К.Н. Батюшков в очерке «Прогулка по Москве», написанном менее чем за год до пожара 1812 года, писал: «Странное смешение древнего и новейшего зодчества... Я думаю, что ни один город не имеет ниже малейшего сходства с Москвой. Она являет редкие противоположности в строениях и нравах жителей. Здесь – роскошь и нищета, изобилие и крайняя бедность, набожность и неверие, постоянство дедовских времен и ветреность неимоверная – как враждебные стихии, в вечном несогласии, и составляют сие чудное, безобразное, исполинское целое, которое мы знаем под общим именем Москва».

Несходство чего-либо с чем-либо нагляднее всего проявляется при сравнении. В XIX веке любили сравнивать Москву и Петербург, противопоставляя один город другому. В этих сравнительных описаниях много интересного, тонкого, остроумного, особенно когда они принадлежали перу таких авторов, как А.И. Герцен, Н.В. Гоголь, А.С. Пушкин, В.Г. Белинский... Однако и в них целостного, определенного образа Москвы не складывалось, наблюдения и замечания оставались лишь черточками, деталями образа. Сравнения-противопоставления Москвы и Петербурга стремились обнаружить черты несходства: в Петербурге все улицы прямые и дома высокие, а в Москве – улицы кривые и домишки в землю вросли; в Петербурге суета, в Москве – мертвая тишина и так далее. Но такие противопоставления при первом же непредубежденном взгляде на обе столицы оказывались несостоятельными. Не тем эти города отличны один от другого: и в Петербурге немало кривых переулков и домиков в три окошечка, а в московской жизни так же полно суеты, – одним словом, и там и там всего нагладишься. Остроумнейший человек пушкинского времени москвич П.А. Вяземский, отвечая искателям различий между Петербургом и Москвой, пишет эпиграмму «Сравнение Петербурга с Москвой», в которой, наоборот, подчеркивает сходство старой и новой столиц:

Как на Неве,
Так и в Москве.

И все же, что ни говори, а каждый чувствовал, знал и видел: Москва – это Москва и ничто иное. Но в чем ее своеобразие? М.Н. Загоскин свою московско-петербургскую сравнительную статью «Брат и сестра» снабжает выразительным подзаголовком «Загадка».

В 1834 году, поступая в Юнкерское училище, гениальный юноша М.Ю. Лермонтов на экзамене написал сочинение «на вольную тему» – «Панорама Москвы». Вспоминая знаменитое описание панорамы Москвы в «Бедной Лизе», где Карамзин говорит: «Стоя на сей горе, видишь на правой стороне почти всю Москву, сию ужасную громаду домов и церквей», он вступает с ним в полемику: «Москва не есть обыкновенный большой город, каких тысяча: Москва не безмолвная громада камней, холодных, составленных в симметрическом порядке... нет! у нее есть своя душа, своя жизнь».

Это было прозрение. Было найдено слово «душа», обозначившее то, что незримо объединяло весь конгломерат строений, вставших по сторонам прямых и кривых, длинных и коротких, разной ширины улиц, переулков, проездов, дорог в неповторимое явление человеческого бытия и культуры – город Москву.

«Душа – заветное дело», «душа – всему мера», – утверждают пословицы, приводимые В.И. Далем в его собрании «Пословицы русского народа». Так какова же она, мера Москвы? Писатели, публицисты, путешественники много и охотно рассуждали об особенностях московской жизни, о свойствах характера москвичей и об их отличиях от всех других, и в общем ни у кого не вызывает сомнения, что «на всех московских есть особый отпечаток». Только вот в чем он заключается?

Н.В. Гоголь, человек аналитического склада ума и точных обобщений, приводит длинный ряд характерных черт Москвы и Петербурга, черт действительно верных, действительно присущих только той или другой столице.

«Москва женского рода, – пишет Гоголь, – Петербург мужского. В Москве все невесты, в Петербурге все женихи. Петербург наблюдает большое приличие в своей одежде, не любит пестрых цветов и никаких резких и дерзких отступлений от моды; зато Москва требует, если уж пошло на моду, то чтобы по всей форме была мода: если талия длинна, то она пускает ее еще длиннее; если отвороты фрака велики, то у ней как сарайные двери. Петербург – аккуратный человек, совершенный немец, на все глядит с расчетом и прежде, нежели задумает дать вечеринку, посмотрит в карман; Москва – русский дворянин, и если уж веселится, то веселится до упаду и не заботится о том, что уже хватает больше того, сколько находится в кармане: она не любит середины. В Москве все журналы, как бы учены ни были, но всегда к концу книжки оканчиваются картинкой мод; петербургские редко прилагают картинки; если уж приложат, то с непривычки взглянувший может перепугаться. Московские журналы говорят о Канте, Шеллинге и прочих, и прочих; в петербургских журналах говорят только о публике и благонамеренности... В Москве журналы идут наряду с веком, но опаздывают книжками; в Петербурге журналы нейдут наравне с веком, но выходят аккуратно, в положенное время. В Москве литераторы проживаются, в Петербурге наживаются. Москва всегда едет, завернувшись в медвежью шубу, и большей частью на обед; Петербург в байковом сюртуке, заложив обе руки в карманы, летит во всю прыть на биржу или в “должность”. Но в конце Гоголь резко обрывает характеристику Москвы неопределенным, алогичным, но в своей алогичности необычайно верно передающим невозможность решения поставленной задачи афоризмом героя грибоедовской комедии полковника Скалозуба: «Дистанция огромного размера».

О той же неуловимости «московского отпечатка» пишет в очерке «Петербург и Москва» В.Г. Белинский: «Москвичи так резко отличаются от всех немосквичей, что, например, московский барин, московский мыслитель, московский литератор, московский архивный юноша – все это типы, все это слова технические, решительно непонятные для тех, кто не живет в Москве».

Но из множества перечисленных и описанных писателями и публицистами частных московских черт в конце концов четко вырисовывается одна московская особенность, и она-то, присутствуя во всех бесконечных московских ликах, является главной и объединяет в одно все это, на первый взгляд, казалось бы, несоединимое до взаимоисключения московское разнообразие.

Эта главная черта была осознана и письменно сформулирована во второй половине XVIII века, причем получила, так сказать, официальную, высочайшую апробацию. «Я вовсе не люблю Москвы», – написала императрица Екатерина II в своих «Записках». Москвичей, в том числе и московское дворянство, она характеризует как «сброд разношерстной толпы, которая всегда готова сопротивляться доброму порядку и с незапамятных времен возмуща-

ется по малейшему поводу, страстно даже любит рассказы об этих возмущениях и питает ими свой ум».

Мнение императрицы было хорошо известно подданным. Н.М. Карамзин в статье «Записка о московских достопамятностях» писал: «Со времен Екатерины Великой Москва прослыла республикою, – и соглашался с частичной правильностью ее высказываний: – Там, без сомнения, более свободы...»

«Вольность», «независимость» Москвы в конце XVIII века становится своеобразным литературно-политическим символом: название знаменитой книги А.Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву» заключало в себе, кроме прямого, сюжетного, второй, символический смысл.

Идею свободы, независимости можно обнаружить во многих сторонах жизни и чертах характера москвичей, вплоть до московских чудачеств, которые А.С. Пушкин называет странностями: «Невинные странности москвичей, – говорит он, – были признаком их независимости».

Идея свободы самой историей была заложена и в градостроительный принцип Москвы.

После того как князь Юрий Долгорукий в середине XII века поставил на холме над рекой «град мал, древян» и назвал его по имени реки Москвой, город, естественно, начал расти и расширяться. Московские князья были заинтересованы в привлечении в город людей: ремесленников, крестьян, воинов, и поэтому призывали их отовсюду специальными грамотами и посулами.

Приходящий в Москву люд расселялся отдельными селениями по роду занятий: огородники на удобных для огородничества землях, гончары возле глины, кузнецы, оружейники и другие мастера, чье ремесло связано с огнем, возле воды, по берегам рек – так, чтобы было чем тушить ненароком вспыхнувший пожар – беду старых деревянных городов, воины – дружинники и стрельцы – возле ворот и застав. Поселяясь в городе, они получали от князя льготы, или, как еще говорили, свободы, от некоторых налогов, поэтому и их поселение называлось свобода, или слобода, так как в живом русском языке «в» может заменяться на «л». В каждой слободе было свое управление, конечно, права его были ограничены, поскольку слободы подчинялись общегородскому управлению, но в бытовой, культурной жизни, наконец, в планировочном, градостроительном отношении были самостоятельны. В слободах строились свои церкви, были свои лавки и базары, складывались свой быт и свои обычаи, поэтому все слободы отличались друг от друга.

С ростом города старинные слободы и деревни входили в городскую черту, становились его частью, но сложившиеся в них экономические и бытовые связи выделяли их в естественные административно-экономические районы, причем районы сохраняли свои исконные слободские названия – Гончары, Каменщики, Садовники, Зубово и так далее. До сих пор, несмотря на многочисленные слияния и разделения районов Москвы, сохраняется своеобразие отдельных местностей города: Арбатские переулки отличаются от Замоскворечья, Заяузы от Лефортова, и это стало одной из главных черт своеобразия Москвы.

М.В. Ломоносов, анализируя феномен Москвы, писал: «Москва стоит на многих горах и долинах, по которым возвышенные и униженные стены и здания многие города представляют, которые в один соединились».

После Ломоносова многие писатели, публицисты, поэты писали о своеобразии московских районов. Вот, например, стихотворение известного поэта пушкинского времени М.А. Дмитриева «Московская жизнь»:

Знаете ль вы, что Москва? – То не город, как прочие грады,
Разве что семь городов, да с десятками сел и посадов.

В них-то что город, то норы, а в тех деревнях свой обычай.
...В нашей Москве благодатной дышит несколько жизней:
Пульс наш у каждого свой, не у всех одинако он бьется,
Всекий по-своему хочет пожить, не указ нам соседи...
Там, на Кузнецком мосту, блеск и шум, и гремят экипажи,
А за тихой Москвою-рекой заперты все ворота.
Там, на боярской Тверской, не пробил еще час привычный
обеда,
А на Пресне, откушав давно, отдохнули порядком,
И кипит самовар, и собираются на вечер гости...

А.Н. Островский в своем очерке «Записки замоскворецкого жителя» называет Замоскворечье даже не «городом», а «страной»: «Страна эта... лежит прямо против Кремля, по ту сторону Москвы-реки, отчего... и называется Замоскворечье».

Может быть, самым наглядным примером слободского своеобразия, но не замкнутости является известная с XVI века Немецкая слобода (Лефортово), в которой селились иностранцы, но там же искони жили и русские, и, как повествует старый путеводитель, «все религии жили в полном согласии». При том что местность называли «немецкой слободой» и, по расхожему мнению, Петр I там обрел топор, которым прорубал «окно в Европу», с тем же районом связаны значительные факты русской культуры.

Здесь родился один из самых почитаемых русских святых – юродивый Василий Блаженный, родились великие русские поэты А.С. Пушкин и М.Ю. Лермонтов, здесь сложился талант замечательного русского художника П.А. Федотова...

Принцип разумной свободы и независимости слобод в общей застройке Москвы пронизывал всю структуру города, при всем существовавшем социальном неравенстве. Соседство дворца и лачуги воспринималось как естественное явление, и князь П.А. Вяземский писал о Москве:

Здесь чудо барские палаты
С гербом, где вписан знатный род.
Вблизи на курьих ножках хаты
И с огурцами огород...

Все это так – и тем прекрасней!
Разнообразие – красота:
Быль жизни с своеобразной басней,
Здесь хлам, там свежая мечта.
Здесь личность есть и самобытность,
Кто я, так я, не каждый мы...

То же, что отметил Вяземский в москвиче, выделив из «мы» «я», отмечают и многие другие писатели. В москвиче сильно стремление к личной свободе, самостоятельности, и это качество не зависит от социальной принадлежности, поэтому-то все жители Москвы так держатся своих особенных привычек и воззрений. Московские предания богаты воспоминаниями о чудаках и оригиналах. Москвич стремился к частной собственности, потому что не государственная, не общественная собственность, а только частная давала независимость. В.Г. Белинский в очерке «Петербург и Москва» иронизирует: «У самого бедного москвича, если он женат, любимейшая мечта целой его жизни – когда-нибудь перестать шататься по квартирам и зажить своим домком. И вот, с горем пополам, призвав на помощь

родное «авось», он покупает... пустопорожнее место в каком-нибудь захолустье и лет пять, а иногда и десять, строит домишко о трех окнах... И наконец наступает вожделенный день переезда в собственный дом; домишко плох, да зато свой... Таких домишек в Москве неисчислимо множество».

Личная независимость естественно порождает в человеке чувство самоуважения и уважение к нему со стороны других. Белинский отмечал, что эти самые «домишки о трех окнах» «попадают даже на лучших улицах Москвы, между лучшими домами, так же как хорошие (то есть каменные в два и три этажа. – В.М.) попадают в самых отдаленных и плохих улицах, между такими домишками».

Москва как город складывалась и развивалась под воздействием и по принципам свободного гражданского общежития, духовности и сопутствующего им житейского здравого смысла.

Планировка кварталов, направление улиц и переулков определились их общественной необходимостью и рельефом местности; при строительстве учитывались интересы соседей – ближних, уличных, всей слободы, и в то же время каждый строился, как ему удобнее и сообразуясь со своими средствами. При таком естественном развитии укреплялась традиция сосуществования и преемственности, удачные, удобные для людей улицы и переулки оставались на века. Город жил, строился и перестраивался, но при этом обязательно учитывались приобретения прошлого. «Москва строилась веками», – утверждает пословица.

Живой, естественно развивающийся организм Москвы хорошо чувствовали архитекторы, которым было поручено восстановление Москвы после пожара 1812 года. Тогда сгорело, было разрушено почти две трети зданий, но Москва как город, как структура не была уничтожена.

В созданную в мае 1813 года «Комиссию для строений Москвы», на которую возлагалась задача восстановления города и нового строительства, вошли архитекторы Д.Г. Григорьев, О.И. Бове, И.Д. Жуков, Ф.Д. Соколов, Ф.М. Шестаков и другие. Многие из них были учениками или соратниками М.Ф. Казакова и его последователями. Комиссия принялась за разработку плана восстановления столицы.

Одновременно Александр I поручил составить план восстановления Москвы главному архитектору Царского Села В.И. Гесте, который Москвы не знал, но тем не менее взялся за выполнение поручения и представил свой проект. Его проект предусматривал почти полную перепланировку города. Москва представлялась Гесте чем-то вроде регулярного французского парка с центральной площадью-клумбой – Кремлем и отходящими от него веером прямыми улицами-лучами, кончавшимися на приведенном к правильному кругу Камер-Коллежском валу площадями. В феврале 1813 года Гесте посетил Москву, но работа над проектом велась по планам, без ознакомления с натурой, поэтому проект был в значительной степени плодом абстрактных построений и фактически ломал исторически сложившуюся структуру города. Проведение новых улиц-лучей, расширение старых, образование площадей требовало многочисленных сносов. Сам Гесте объяснял, что «все строения, которые означены в сломку, состоят в одноэтажных и малой части двухэтажных домов, весьма не важных», так же легко он относился к древним постройкам, рекомендуя, например, «выровнять», то есть снести, стены Китай-города и сделать на его месте бульвар.

Получив в июне 1813 года лихой проект Гесте, московский генерал-губернатор Ф.В. Ростопчин послал в Петербург свои возражения на него. Прежде всего он сообщает, что среди предназначенных к сносу строений «есть много значащих зданий и обширных домов... Уничтожение же вовсе сих строений, исключая знатного убытка, хозяевам нанесет огорчение и произведет ропот, быв совсем несогласно благотворным видам государя императора». Не согласен он и с уничтожением Китайгородской стены: «Стену Китай-города,

хотя она и требует поправления, должно оставить, потому что она по долговременности своей заслуживает уважения и дает вид величественности части города, ею окруженной».

Следует особенно подчеркнуть, что сохранение исторической застройки, памятников архитектуры и памятников истории (в большинстве случаев они соединяют в себе и то и другое, как, например Сухарева башня) – является главной московской градостроительной традицией. Ее понимали и понимают настоящие московские архитекторы. Понимало и понимает это московское общество, причем общество в широком смысле, общество всех классов и сословий.

Москва – исторический город, она вошла в ряд мировых исторических столиц благодаря своей исторической застройке, поэтому разрушение этой застройки означает просто уничтожение Москвы. Московское общество, понимая это, во все времена относилось к разрушителям старины с неодобрением.

В 1813 году замечательный и импульсивный поэт Н.М. Языков в стихотворении, посвященном Москве, писал:

Здесь наших бед и нашей славы
Хранится повесть! Эти главы
Святым сиянием горят!
О! проклят будь, кто потревожит
Великолепье старины;
Кто на нее печать наложит
Мимоходящей новизны!

Всем известны проклятья, которые посылали москвичи в 1930-е годы в адрес разрушителей исторической Москвы, возглавляемых руководителем московских большевиков Л.М. Кагановичем. Памятна и расправа властителей-разрушителей с защитниками московских памятников, которых НКВД арестовывало, сажало в тюрьмы, отправляло в лагеря. Один из подвергнутых репрессиям искусствовед Г.К. Вагнер свои воспоминания назвал: «Десять лет Колымы за Сухареву башню», его обвинили в том, что он «ругал Кагановича, Ворошилова и других за снос Сухаревой башни и Красных ворот».

Демьян Бедный, радуясь результатам устрашения, писал:

Как грандиозны перемены
Везде, во всем – и в нас самих.
Снесем часовенку, бывало,
По всей Москве: ду-ду! ду-ду!
Пророчат бабушки беду.
Теперь мы сносим – горя, мало,
Какой собор на череду.
Сколько в Москве – без дальних споров —
Не досчитаешься соборов!
Дошло: дерзнул безбожный бич —
Христа-Спасителя в кирпич!
Земля шатнулася от гула!
Москва и глазом не моргнула.

Опасаясь порицать политику московских властей открыто, москвичи осуждали ее потихоньку, в разговорах.

Деятелей сталинского Генерального плана реконструкции Москвы до сих пор поминуют недобрым словом, их черная слава дошла до внуков и правнуков.

Такие же чувства испытывают и современные москвичи к современным посягателям на великолепье московской старины, такая же слава уготована им и в народной памяти.

Однако вернемся к проекту реконструкции Москвы придворным архитектором В.И. Гесте в 1813 году.

«Комиссия для строений Москвы» выступила с решительными возражениями против этого «спущенного сверху» плана, для чего, конечно, требовались и профессиональная честность, и немалое гражданское мужество. К счастью, архитекторы, восстанавливавшие Москву после пожара 1812 года, обладали этими качествами в полной мере. В отзыве на имя царя они писали: «Прожектированный план хотя заслуживает полное одобрение касательно прожектов теоретических, но произвести оные в исполнение почти невозможно, ибо многие годы и великие суммы не могут обещать того события, чтобы Москву выстроить по оному плану, поелику художник, полагая прожекты, не наблюдал местного положения».

Отбившись от проекта Гесте, московские архитекторы разработали собственный план, в котором соблюдалась историческая преемственность в планировке города и ставилась задача сохранить и восстановить пострадавшие исторические памятники. Но в то же время, развивая московские градостроительные традиции, они создали новый архитектурный стиль – московский ампи́р, постройки которого естественно вошли в городскую среду и стали еще одной своеобразной чертой облика Москвы.

Веками Москва накапливала эти черточки, воплотившиеся в тех или иных зданиях, тщательно отбирала, а отобрав, крепко за них держалась, потому что они-то и создавали ее образ – и смысловой, и эстетический, и архитектурный.

Личность невозможна без самосознания. «Гость недолго гостит, да много видит», утверждает пословица. Таким образом, гостю надлежит смотреть и видеть, а хозяину, чтобы не ударить в грязь лицом следует строить красоту, вызывающую восторг и удивление (это, впрочем, на Руси всегда умели) и беречь ее от разрушения. Самая ранняя известная нам письменная русская оценка Москвы относится к XIV веку, к эпохе Дмитрия Донского и Куликовской битвы. В «Задонщине» – повести-поэме, посвященной этой битве, читаем: «О жаворонок-птица, красных дней утеха, взлети под синии небеса, посмотри к сильному граду Москве», а после победы князь Дмитрий обращается к своему боевому соратнику: «И пойдем, брате князь Владимир Андреевич, во свою Залесскую землю к славному граду Москве». К этому же времени относится и описание Москвы в летописи: «Град Москва велик и чуден, и много людей в нем и всякого узорочия».

Городскими «чудесами» и «узорочьем» раньше называли то, что теперь получило название памятников истории и архитектуры.

Образ города складывался в сочетании направленного на «украшение» строительства и векового народного, общественного отбора «истинно московских» достопримечательностей.

Среди народных лубочных листов XVIII–XIX веков, расходившихся по всей России, проникавших в самые удаленные деревни, есть листы, рассказывающие о Москве. Ведь лубок прежде всего – это рассказ, рассказ в картинках. Так вот эти лубки, названия которых варьировались, но смысл оставался один – «Московские святыни и достопримечательности», – представляют собой расположенные по листу в рамках-картушах или без них изображения этих самых «истинно московских» сооружений. В XX веке по тому же принципу давался образ Москвы в календарях, выпускаемых И.Д. Сытиным, в путеводителях, даже в таком издании, как «Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Под редакцией В.П. Семенова-Тян-Шанского».

Принцип создания лубка-рассказа о Москве на протяжении века не менялся, правда, число изображений бывало разное, но круг изображаемых сюжетов оставался постоянным, скупо пополняясь с годами.

М.Ю. Лермонтов в «Панораме Москвы», окинув общим взглядом открывающуюся с высоты Ивана Великого панораму города и сказав о нем несколько фраз, затем так же останавливает взгляд на отдельных постройках – храме Василия Блаженного, Сухаревой башне, памятнике Минину и Пожарскому и, характеризуя их, дает общий художественный образ Москвы. Свободное разнообразие, естественная индивидуализация – основы этого образа, а его детали – отдельные памятники. Потому-то, заметим, ни один из них не может быть ничем заменен, и утрата каждого наносит урон и градостроительному, и духовному образу города.

Итак, на чем же держался (да держится и сейчас) духовный, нравственный и художественный образ Москвы? Прежде всего Кремль, панорама которого воспринимается единым памятником. Кремль был воплощением живой народной исторической памяти. «Ты жив, и каждый камень твой // Заветное преданье поколений», – сказал о нем М.Ю. Лермонтов. В советское время, когда Кремль оказался закрыт и отнят у народа, его восприятие изменилось, но не настолько, чтобы совершенно уничтожилось старое.

В 1918 году Марина Цветаева написала:

...О, самозванцев жалкие усилья!
Как сон, как снег, как смерть – святыни – всем.
Запрет на Кремль? Запрета нет на крылья!
И потому – запрета нет на Кремль!

Из кремлевских достопримечательностей выделялись в отдельные рисунки Спасская башня – заветный, святой вход в Кремль, Иван Великий, Царь-пушка и Царь-колокол.

Вне Кремля – Покровский собор, поставленный Иваном Грозным в ознаменование победы под Казанью, но получивший известность и новое название собора Василия Блаженного по имени похороненного в нем, чтимого в Москве юродивого, смело обличавшего перед Иваном Грозным его злодеяния. (Интересно, что главный государственный Успенский собор, в котором венчались на царство цари, встречается среди этих рисунков довольно редко.)

На всех листах неизменно присутствует Сухарева башня. На одном из таких листов середины XIX века «Пантюшка и Сидорка осматривают Москву» (своеобразном путеводителе по московским достопримечательностям) изображается, как Пантюшка, сам, видно, недавний московский житель, водит по городу приехавшего из деревни земляка и сопровождает показ объяснениями и присловьями. Остановившись перед Сухаревой башней, он восклицает: «Хороша и эта тетеря, не ниже Ивана Великого сляпана, того гляди, что небо заденет!»

Часто изображали храм Успения Божией Матери на Покровке, может быть, лучшее произведение русского барокко конца XVII века; в старинной надписи, находившейся в церкви и сообщавшей о времени ее постройки, сказано: «Се дело рук человеческих, делал именем Петрушка Потапов». Известно, что Потапов был крепостной. Этой церковью восхищались Баженов и Карамзин; Достоевский, как вспоминает его жена, «бывая в Москве, непременно ехал на нее взглянуть». Кстати сказать, в 1922 году зодчий, строивший эту церковь, получил признание у Моссовета: Большой Успенский переулок, на углу которого и Покровки стоял храм Успения и по имени которого назывался, был переименован в Потаповский. Правда, даже несмотря на это, церковь в середине 1930-х годов была снесена; сейчас на этом месте чахлый скверик с несколькими деревьями.

Из скульптурных московских памятников на лубочных листах присутствовали памятник Минину и Пожарскому на Красной площади и поставленный по всенародной подписке памятник А.С. Пушкину на Страстной.

Москва славилась дворцами (сколько восторженных отзывов о них в записках иностранцев), но в число заветных достопримечательностей попал лишь один – Пашков дом на Моховой улице, дворец, построенный В.И. Баженовым, ныне старое здание Ленинской библиотеки, – да и то лишь тогда, когда он перестал быть частным домом, а стал Румянцевским музеем, то есть общественным учреждением.

Среди многочисленных триумфальных арок XVIII века, поражавших и восхищавших москвичей роскошью и богатством, народная память сохранила одну – Красные ворота. Они были воздвигнуты для встречи русских войск после Полтавской битвы. Когда их ставили, они назывались Триумфальными воротами на Мясницкой улице, но вскоре в обыденной речи их стали называть Красными, то есть красивыми. Ворота ветшали, разрушались, но Москва не желала с ними расставаться, в 1727 году их восстанавливают «как были прежде», в 1750-е годы в указе Сената архитектору Д.В. Ухтомскому приказано: «Красные триумфальные ворота строить для прочности каменные по точно снятому с бывших ворот плану и чертежу». С годами название «Красные» стало восприниматься в прямом смысле, и в конце XIX века их покрасили в красный цвет. В 1926 году воротам вернули прежнюю окраску, побелив их. По этому поводу по Москве ходило четверостишие:

Была белая Москва,
Были красные ворота,
Стала красная Москва,
Стали белыми ворота.

А под названием Триумфальных ворот (также вошедших в этот перечень) известна триумфальная арка, сооруженная в 1829–1834 годах у Тверской заставы в память победы в Отечественной войне 1812 года и возрождения Москвы после пожара.

С постройкой и освящением храма Христа Спасителя в начале 1880-х годов он сразу вошел в число первых и главнейших народных святынь и достопримечательностей Москвы.

На лубочных листах иногда встречаются и другие московские постройки, но главных, обязательных, всего около десяти. Они как бы вобрали в себя и воплотили в совершенных формах какие-то очень важные черты исторического, художественного, нравственного облика Москвы.

Специалисты-архитекторы исследовали и высоко оценили их чисто архитектурные достоинства, установив, что каждая из них играла определенную градостроительную и планировочную роль и была выстроена на единственно возможном и нужном для города месте. В архитектурной мастерской, занимавшейся планировкой площади Красных ворот (тогда Лермонтовской площади), я видел, как архитектор в своих проектах постоянно рисовал снежные Красные ворота: без них площади просто не получалось; и это было в те времена, когда о восстановлении памятников никто даже заикаться не смел.

Но эти избранные народным сознанием и мнением московские постройки представляют собой не только архитектурные сооружения, они еще и хранители народной исторической памяти и национальных духовных ценностей – вечных идеалов и вечных предрассудков: недаром каждая из них воздействует на чувства, вызывает размышления и порождает легенды. Легендами окутана Сухарева башня, множество преданий связано с Кремлем, Спасской башней, с Иваном Великим, храмом Василия Блаженного, храмом Христа Спасителя...

В XIX веке возникла и широко пропагандировалась легенда о том, что Сухареву башню Петр I повелел поставить в стрелецкой слободе Сухарева полка в благодарность за то, что этот полк остался верным ему во время стрелецкого бунта, и будто бы первоначальный чертеж башни был нарисован собственноручно царем. Так утверждает легенда, однако в надписи на памятной доске, установленной на башне в год окончания строительства, ничего не говорится ни об особой верности полка Сухарева, ни о благодарности Петра. Там написано, что построены «Сретенские ворота» «повелением благочестивейших, тишайших, самодержавнейших великих государей, царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича... а в то время будущего у того полку стольника и полковника Лаврентия Панкратьева сына Сухарева». Кроме того, документы сообщают, что часть стрельцов Сухарева, как и других полков, принимала участие в бунтах, и легенда об их верности появляется тоже только в начале XIX века. До этого Сухарева башня была памятна Москве другим, и вокруг нее создавались иные легенды.

Стрелецкие бунты по сути своей были не династическими войнами, стрельцы – а это была довольно значительная часть простого московского населения – бунтовали против власти, добиваясь облегчения своего положения; после первого – удачного – бунта на Красной площади и в других местах были установлены специальные доски, на которых были записаны права и льготы, которых добились стрельцы. Такой же памятью о победе стрельцов стала народная легенда о постройке каменной башни. После жестокого подавления стрелецкого бунта Петром I доски были уничтожены, а башня, хотя и отобранная у стрельцов (в ней Петр I устроил первое в России морское учебное заведение – Навигацкую школу), осталась воспоминанием о тех кратковременных, но опьяняющих днях стрелецкой вольности.

Между прочим, о верности Сухаревского полка Петру фольклористы не записали ни одной народной песни, а про восстание стрельцов пели даже двести лет спустя, в начале XX века:

Как у нас то было во матушке кременной Москве,
На Красной площади,
Собиралися стрельцы-бойцы, добрые молодцы...

Еще в XVII веке в народе родилось поверье, что, пока стоит Иван Великий, будут стоять и Москва, и Россия. Поэтому в 1812 году после ухода французов москвичи с окраин города и подмосковные крестьяне специально приходили убедиться, что при взрыве Кремля колокольня устояла. С ее ремонта и началось восстановление города. Это народное представление об Иване Великом как символе Москвы и России нашло отражение в поэзии. О нем пишет М.Ю. Лермонтов в стихотворении «Два великана»:

В шапке золота литого
Старый русский великан...

И в самом известном русском стихотворении о Москве – стихотворении Ф.Н. Глинки «Москва» («Город чудный, город древний») также есть строки о том же:

Кто, силач, возьмет в охапку
Холм Кремля-богатыря?
Кто собьет златую шапку
У Ивана-звонаря?

А когда заходила речь о церкви Успения Божией Матери, что на Покровке, обязательно рассказывали, что Наполеон, пораженный ее красотой, поставил специальный караул, чтобы защитить от пожара...

Большой знаток исторической и современной ему Москвы и народного быта, романист и поэт (между прочим, автор известных народных песен «По диким степям Забайкалья» и «Очаровательные глазки») И.К. Кондратьев в своем замечательном исследовании-путеводителе «Седая старина Москвы», вышедшем в 1893 году, пишет о том, что образ Москвы, который существует в сознании русского народа, как раз и связан с этими достопримечательностями. «Кому из русских, даже не бывших в Москве, неизвестно название Сухаревой башни? Надо при этом заметить, – пишет он, – что во внутренних, особенно же отдаленных губерниях России Сухарева башня вместе с Иваном Великим пользуется какою-то особенною славою: про нее знают, что это превысокая, громадная башня и что ее видно отовсюду в Москве, как и храм Христа Спасителя. Поэтому-то всякий приезжающий в Москву считает непрямым долгом прежде всего побывать в Кремле, взойти на колокольню Ивана Великого, помолиться в храме Спасителя, а потом хоть проехать подле Сухаревой башни...»

Важнейшая черта своеобразия Москвы заключается в том, что московская старина всегда воспринималась живой тканью города. Известный бельгийский поэт-модернист Эмиль Верхарн, посетивший Москву в 1913 году, восторгался панорамой древней русской столицы, называл ее «очаровательной феерией». В своем описании он обращает внимание преимущественно на исторические памятники и «сорок сороков» московских церквей, но, несмотря на это, в его рассказе нет ни прямого утверждения, ни подтекстного ощущения Москвы как города-музея, города-воспоминания, города – декорации отшумевшей жизни.

Москва всегда легко и органично включала в свой пейзаж новое и при этом не теряла традиционного облика. П.А. Вяземский, помнивший и любивший Москву до пожара, в 1860-е годы описывает пейзаж Москвы этого времени, Москвы промышленной, капиталистической, и он не вызывает у него, казалось бы, естественного раздражения, он видит в нем не отрицание прежнего, а естественное развитие и прекрасное доброе единство, которое бывает в крепких многопоколенных семьях:

...Есть прелесть в этом беспорядке
Твоих разбросанных палат,
Твоих садов и огородов,
Высоких башен, пустырей,
С железной мачтою заводов
И с колокольнями церквей!

Система «истинно московских достопримечательностей» и церквей предоставляла большую свободу строительству, но в то же время налагала на строителей большую нравственную ответственность; от них требовалось сочетать, согласовать новую застройку со старой, не разрушить гармонии. Конечно, находились лишенные этого нравственного чувства заводчики, ставившие на месте вырубленной рощицы огромный завод-сарай и окружающие его бараками и лачугами для рабочих, нувориш-предприниматель, выгонявший доходный дом в высоту настолько, чтобы он только не обвалился; бывало, градоправители затевали сносить архитектурные и исторические памятники, чтобы не возиться с их ремонтом, и продать землю с выгодой якобы для города, а в действительности для собственного кармана. Но подобные акты неизменно вызвали протесты московской общественности, и во многих случаях удавалось остановить вандализм.

Таким образом, в дореволюционной Москве были сохранены многие памятники: и Китайгородская стена с башнями, и Сухарева башня, и древние храмы и часовни. Нужно

сказать, старые московские архитекторы и строители в подавляющем большинстве обладали и чувством Москвы, и тактом. Сейчас особенно хорошо видно, как модерн начала XX века – и особняки, и доходные дома – вписался в структуру города, став таким же московским, как и московский ампи́р арбатских переулков.

В начале XX века Москва уже была большим промышленным капиталистическим городом, но, несмотря на это, избежала опасности стандартизации своего облика. Последний предреволюционный путеводитель «По Москве» (точнее, написанный до революционных событий, а вышедший в 1917 году, между Февралем и Октябрем) дает такую общую характеристику городу: «Когда вы попадаете в Москву и начинаете ориентироваться в этом мире домов, захвативших огромное пространство в полтораста с лишним квадратных верст, у вас не может не сложиться представления о Москве, как о городе со своеобразной, ему только присущей физиономией... От всего этого остается впечатление большого и очень сложного целого, живущего напряженной и своеобразной жизнью, – впечатление старого, но в то же время быстро развивающегося города, непрестанно вносящего в свою жизнь все новые и новые черты, – города, преуспевающего в настоящем и имеющего все данные для преуспевания в будущем».

Архитектурная и планировочная «нерегулярность» Москвы настолько очевидна, что давно уже стала для архитекторов и градостроителей банальной истиной, и у ремесленников этой профессии постоянно вызывала и вызывает до сих пор желание и попытки ее «отрегулировать».

Однако во внешней «нерегулярности» Москвы заключена высшая организация, более глубокая, чем формальная «правильность» линий, более разумная, основанная на здравом смысле и на духовном, нравственном осмыслении общественной жизни: ведь Град, Город – материальное воплощение самой идеи общежития, а в Москве конкретно – идеи московского общежития.

Эта идея пронизывает буквально все атомы городской структуры: от общего плана до каждого переулка, двора, дома. Поэтому частные «поправки», архитектурные и градостроительные, не могут изменить ее. Даже страшный по своей разрушительной силе, сравнимый только с татарскими погромами и разорением 1812 года, Генеральный план реконструкции Москвы 1935 года, который должен был, по образному выражению Л.М. Кагановича, построенную «пьяным сапожником» Москву преобразить в социалистический город, не разрушил сложившийся за века духовный, художественный и даже архитектурный образ города. «Неисправимость» Москвы, как и других исторических городов мира, прекрасно понимал Ле Корбюзье, который по поводу их реконструкции, предвидя, что для этого их нужно было разрушать «до основания», заявил: «Что же касается Парижа, Лондона, Москвы, Берлина или Рима, то эти столицы должны быть полностью преобразованы собственными средствами, каких бы усилий это ни стоило и сколь велики ни были бы связанные с этим разрушения».

Попытка разрушения исторического города – покушение не на камни, а на душу. Давно было сказано: убивающий тело совершает тяжкое преступление, убивающий душу – тягчайшее.

Душа исторического города – историческая память народа и в то же время воплощение национального характера. Повторим замечательные слова С.В. Максимова: «Москву собирала вся Русь и сама в ней засела». Потому-то по всей России к Москве всегда было особое отношение как к своему, родному, что выразилось в общенародном ее названии – Москва-матушка. Потому-то так легко приживаются люди в Москве и становятся истинными москвичами, принимая на себя «особый отпечаток». Потому-то и сказал А.С. Пушкин:

Москва... как много в этом звуке

Для сердца русского слилось!
Как много в нем отозвалось!

Душа – всему мера. Мера строгая и самая верная, но – увы! – слишком часто подменяемая иными мерами: пользы, сиюминутной, преходящей целесообразности, выгоды, что в конце концов, как правило, оборачивается фальшью и обманом.

Москва пережила и переживает тяжкие испытания, она разорена, обманута, разграблена, но все равно она прекрасна, и, несмотря ни на что, ее мерой остается душа.

Чтобы убедиться в этом, достаточно пройтись по какой-нибудь старой московской улице или переулку, взглянуть с моста на Кремль, посидеть вечером за столом в случайной компании и потолковать о России и судьбах человечества...

Пословицы, поговорки, крылатые слова

О пословицах, поговорках и крылатых словах

Пословиц и поговорок, в которых упоминается Москва, много. В фундаментальном труде Владимира Ивановича Даля «Пословицы русского народа» – самом обширном собрании этого жанра русского фольклора – пословицы и поговорки сгруппированы в разделы-главки по темам: «Бог – вера», «Богатство – убожество», «Хорошо – худо», «Грамота», «Казна», «Правда – кривда», «Народ – мир» и так далее. Пословицы, в которых упоминается Москва, рассыпаны по разным разделам. «Харитон с вестями прибежал из Москвы» – это из раздела «Молва – слава»; «Он на показ до Москвы без спотычки пробежит» – раздел «Сущность – наружность»; «От копеечной свечки Москва загорелась» – раздел «Осторожность»; «Наш Пахом с Москвой знаком» – раздел «Прямота – лукавство»; «Не только звону, что в Звенигороде, есть и в Москве» – раздел «Поиск – находка»; «Выше Ивана Великого» – раздел «Много – мало»; «Вались народ от Яузских ворот» – раздел «Народ – мир». По разным поводам и случаям вспоминает русский народ Москву.

Пословицы создавались и самими москвичами, и жителями других областей России. «Со стороны виднее», «Гость недолго гостит, да много видит», – утверждает пословица, оттого-то пословицы про Москву найдешь в любом областном сборнике, потому-то их услышишь повсюду – от западных украинских и белорусских областей до Дальнего Востока. Эти пословицы выражают отношение всей страны к древней российской столице, рассказывают о том, какой представляется московская жизнь «со стороны». Впрочем, выражение «со стороны» не совсем точно, потому что складывались пословицы людьми, прожившими в Москве, наблюдавшими московскую жизнь, одним словом, по существу, тоже москвичами.

Ряд московских пословиц рожден историческими событиями и обстоятельствами старинного московского быта и сохраняет в себе память о них. Правда, далеко не всегда эта связь видна и понятна современному человеку. Так, например, ни у кого сейчас не вызывает разнотолков смысл выражения «У семи нянек дитя без глазу», но о происхождении его и связи с одним из эпизодов русской истории начала XVII века – семибоярщиной – вряд ли кто подумает, произнося эту пословицу, употребляемую, кстати сказать, весьма часто.

Невозможно назвать точное число пословиц и поговорок о Москве – их сотни, и сколько бы ни собрал их, все нет уверенности, что завтра не вычитаешь где-нибудь или не услышишь новую.

Иные пословицы, в которых упоминается Москва, и меткие словечки-прозвища получили общее, нарицательное значение и применимы не только к московской жизни. Таковы, например, такие меткие слова-понятия, как «лодырь», «архаровец», пословица «Москва не сразу строилась», понимаемая как утверждение, что во всяком большом деле могут быть и отдельные неудачи, и из-за этого не следует бросать его.

О происхождении и роли пословиц в нашей отечественной культуре по-своему, оригинально и очень тепло написал Николай Михайлович Карамзин, который использовал их как источник исторических сведений в работе над «Историей государства Российского».

«Россия имела особенную систему нравоучения в своих народных пословицах... Ныне умники пишут; в старину только говорили; опыты, наблюдения, достопамятные мысли в век малограмотный сообщались изустно. Ныне живут мертвые в книгах, тогда жили в пословицах. Все хорошо продуманное, сильно сказанное передавалось из рода в род. Мы легко забываем читаное, зная, что в случае нужды можем опять развернуть книгу; но предки наши помнили слышанное, ибо забвением могли навсегда утратить счастливую мысль или сведе-

ние любопытное. Добрый купец, боярин, редко грамотный, любил внучатам своим твердить умное слово деда его, которое обращалось в семейственную пословицу. Так разум человеческий в самом величайшем стеснении находит какой-нибудь способ действовать, подобно как река, запертая скалою, ищет тока хотя под землею, или сквозь камни сочится мелкими ручейками».

До нас дошли пословицы и меткие словечки, родившиеся в разные времена и в разных обстоятельствах, о некоторых из них и пойдет наш дальнейший рассказ.

И Мамай правды не съел

С именем татарского военачальника хана Мамаю – в 1370-е годы фактического правителя Золотой Орды – связывают две группы русских пословиц и поговорок.

В первой группе говорится о его поражении в Куликовской битве, во второй – о том горе и разрушениях, которые приносили татаро-монголы на Русь.

Сначала пословицы о Куликовской битве.

20 августа 1380 года с раннего утра и до обеда выходило из Москвы русское войско – полк за полком, отряд за отрядом, дружина за дружиной – по трем дорогам, потому что одна дорога была тесна для него. В этот поход на Дон навстречу татарскому войску хана Мамаю вышли воины почти всех русских земель и княжеств.

«Стук стучит и аки гром гремит в славном граде Москве, – описывает современник движение войска, – то идет сильная рать князя Дмитрия Ивановича, а гремят русские сынове своими злачеными доспехи...»

Шли воины с сознанием, что идут «с великим князем за всю землю Русскую на острые копия».

Поход хана Мамаю на Русь 1380 года по своим задачам преследовал принципиально иную цель, чем обычные набеги татар на русские села и города. Прежде в своих набегах татары выступали грабителями, которые, избивая и убивая жителей, захватывали добычу и уходили восвояси. Мамай же ставил своей целью захват Руси и установление в ней своего правления. «Аз не хочу тако сотворити, яко же Батый, – формулировал он свою программу действий, – но егда дойду Руси и убию князя их, и которые грады красные довлеют нам, и ту сядем и Русью владеем, тихо и безмятежно поживем».

Для завоевания и последующего «владения» Русью Мамай значительно увеличил свою армию за счет отрядов из подвластных ему племен и народов, а также наемников, обещав им русские города и земли. По свидетельству «Задонщины», Мамай «пришел на Русскую землю со многими силами, з девятью ордами и 70 князьями».

Князь Дмитрий и все русские люди хорошо представляли, что несет с собой «сиденье» на Руси хана и его союзников: речь шла об уничтожении русской государственности и порабощении народа в буквальном смысле этого слова, ибо наемники, как, например, генуэзцы, промышляли работоторговлей.

Разноплеменной коалиции охотников до русских земель и русских рабов противостояла единая русская армия: великороссы, белорусы и украинцы, поэтому война имела ярко выраженный национально-освободительный характер, что отразилось в фольклоре и литературе. «В истории русского народа, – пишет академик М.Н. Тихомиров, – «Донское побоище», как его называли современники, было великим событием. Сражение на Дону сделалось символом непобедимого стремления русского народа к независимости, и ни одна русская победа над иноземными врагами вплоть до Бородинского сражения 1812 года не послужила темой для такого количества прозаических и поэтических произведений, как Куликовская битва».

В эти трудные и роковые времена общность народа проявилась также в таком единении всех сословий народа и власти, которого не было на Руси ни до того, ни после.

Битва на Куликовом поле 8 сентября 1380 года, в которой участвовали примерно по 120–150 тысяч воинов с той и другой стороны, была упорной и ожесточенной.

«Сошлись на долгие часы обе силы великие, и покрыли полки поле верст на десять – такое было множество воинов, – рассказывает летописец (текст приводится в переводе на современный язык). – И была сеча лютая и великая, и битва жестокая, и грохот страшный; от сотворения мира не было такой битвы у русских великих князей, как при этом великом князе

всёя Руси. Бились они от шестого часа до девятого. Словно дождь из тучи, лилась кровь и русских сынов, и поганных, и бесчисленное множество пало мертвыми с обеих сторон. И много руси было побито татарами, и татар русью. И падал труп на труп, падало тело татарское на тело христианское...»

После трех часов битвы татары дрогнули и побежали, побежал, спасая свою жизнь, и сам предводитель их хан Мамай. Русские преследовали, побивая татарское войско, пятьдесят верст.

Ужасное зрелище представляло Куликово поле после битвы: «не бе видети порожнего места, но все покрыто человеческими телесы: христианы, но седморицею больши того побито поганных».

Куликовская битва стала переломным событием борьбы русского народа против татаро-монгольского ига, она показала путь к освобождению и победе. И хотя формально татары ещё считали Русь подвластной им и обязанной платить дань, хотя время от времени они совершали грабительские набеги на русские земли, но русские люди уже преодолели свой страх перед татарами и всё чаще и чаще оказывали им сопротивление, что в конце концов привело к полному непризнанию Россией какой-либо своей зависимости от Орды. Это случилось в 1480 году в царствование Ивана III, и считается датой окончательного освобождения от татаро-монгольского ига.

Сквозь семь веков дошли до нас пословицы, сформулировавшие народное понимание и народную оценку Куликовской битвы. Очень верный и проницательный взгляд.

Вот эти пословицы эпохи Куликовской битвы:

«Что Батый был приобрел, тоё все Мамай потерял».

«Отошла пора татарам на Русь ходить».

«И Мамай правды не съел».

В последней пословице С.В. Максимов находит общий смысл со знаменитыми словами Александра Невского, сказанными им своей дружине перед битвой на Неве. Александр Невский сказал: «Не в силе Бог, а в правде», а русский народ говорит: «И Мамай правды не съел».

Поговорки «словно Мамай воевал», «словно Мамай прошел», «словно после Мамаева побоища» также пришли в современную речь из времен татаро-монгольского ига. Их современное значение – крайняя степень разорения, разрушения, опустошения, оно общепонятно и не вызывает никакого другого толкования, поговорки употребляются в живой повседневной речи и известны по классической литературе.

П.П. Ершов в «Коньке-горбунке» пишет:

Утро с полднем повстречалось,
А в селе уж не осталось
Ни одной души живой,
Словно шел Мамай войной.

У А.Н. Островского в комедии «Правда – хорошо, а счастье лучше» Мавра Тарасовна жалуется: «Оглядиись хорошенько, что у нас в саду-то! Где же яблоки-то? Точно Мамай с своей силой прошел – много ль их осталось?»

Во фразеологических словарях, начиная с XIX века (что подтверждают и выше приведенные тексты, где слово «Мамай» написано с прописной буквы) и до самых современных, утверждается, что здесь речь идет об известном историческом лице – хане Мамае. Имя «Мамай» знают все, причем знают как имя полководца, которого разбил Дмитрий Донской. Но инерция мышления заставляет в поговорки «Пусто, словно Мамай воевал», «Где Мамай

пройдет, там трава не растет», которые говорят о грозном победителе и разрушителе, а не о побитом неудачнике, подставлять известное имя, не думая, так сказать, о контексте.

Дело в том, что слово «мамай» в этих выражениях – имя не собственное, а нарицательное: мамаями на Руси в XIII–XV веках называли татар. Произошло оно от названия татарского фольклорного персонажа «мамая» – чудовища, которым пугают детей, и поговорки, в которых оно употреблено, возникли на несколько веков раньше, чем родился исторический хан Мамай.

Москва не раз становилась жертвой татарского разорения. В 1237 году орды Батыя, разбив русское войско под Коломной, «взяша, – как сообщает летопись, – Москву... люди избиша от старьца и до сущего младенца, а град и церкви святые огневи предаши, и монастыри все и села пожгоша, и, много именья взявше, отъидоша».

С тех пор татары неоднократно совершали набеги на Москву, и каждый раз летопись отмечает: «избиша», «пожгоша», «разориша».

Два года спустя после Куликовской битвы пришел к Москве, как сказано в летописи, «со всею силою» хан Золотой Орды Тохтамыш. Не взявши города штурмом, он прибег к обману, обещав не разорять Москву, не убивать жителей, а только, получив следуемую ему дань, уйти восвояси, даруя москвичам «мир и любовь свою». Москвичи поверили его обещаниям, открыли ворота и вышли навстречу с дарами. Среди встречавших хана были и воевода (князя Дмитрия в то время не было в Москве), и священники, и «большие люди», и простой народ. Все они были наказаны за свое легковерие: татары, изрубив встречавших, ворвались в город, и «бысть внутри града сеча велика».

«Тако вскоре злии взяша град Москву... – сообщает летописная «Повесть о московском взятии от царя Тохтамыша», – и град огнем запалиша, а товар и богатство все разграбиша, а людие мечу предаша... Бяше бо дотолє видети град Москва велик чюдєн, и много людий в нем и всякого узорочия, и в том чєсе изменися, єгда взят бысть и пожжен; не видети иногє ничєго жє, развє дым и зємля, и трупия мертвых многих лежєща, церкви святые запалєни быша и падошєся, а каєннєя стояща выгорєвшєя внутри и огорєвшєя вне, и нєсть видети в них пєния, ни звонєния в ко-локолы, никогє жє людєй ходяща к церкви, и нє бє слышати в церкви поющєго гласа, ни славословия; но все бяшє видети пусто, ни єдиногє жє бы видети ходяща по пожару людєй...»

Об этом и других разорениях Москвы и других городов и сел и говорят сохранившиеся с тех пор в русском языке выражения «словно мамай прошел», «словно мамай воевал», хотя в каждом случае у каждого «мамая» было свое имя: то Батый, то Тохтамыш, то еще какое-нибудь. Слово «мамай» в том значении, в котором оно употреблялось во времена татаро-монгольского ига, в русском литературном языке не сохранилось, память о нем осталась лишь в некоторых областных говорах.

Областные говоры русского языка дают материал для выяснения значения этого слова. Перед революцией в Московской области было записано и опубликовано в «Словаре русских народных говоров» слово «мамай» в значении «татарин». На Волге еще в 1920-е годы татарские могильники времен Золотой Орды называли «мамайскими могилами», такого же происхождения название «Мамаев курган» в Царицыне. А на Дону до сих пор исторические песни о татаро-монгольском нашествии называют мамайскими:

Что в поле за пыль пылит,
Что за пыль пылит, столбом валит?
Злы татаровья полон делят...

или:

С князей брал по сту рублей,
С бояр по пятидесять,
С крестьян по пяти рублей.
У которого денег нет,
У того дитя возьмет;
У которого дитя нет,
У того жену возьмет;
У которого жены-то нет,
Того самого головой возьмет.

В связи с тем что слово «мамай» в значении «татарин», хорошо известное в XIII–XV веках, позже ушло из языка, и выражение «как мамай прошел» хотя и было понятно, но перестало употребляться и существовало лишь в пассивной памяти народа, ему, по всей вероятности, грозило со временем полное забвение. Но в XVIII веке оно, обретя второе дыхание, вновь вошло в активный словарь языка.

С Петра Великого началась новая блестящая эпоха победных войн России. На этом фоне поднялся интерес к военной истории страны, к воинским подвигам предков, в первом ряду которых стоял Дмитрий Донской – победитель в Куликовской битве. К его образу обратились художники и писатели. М.В. Ломоносов написал трагедию «Тамира и Селим», в которой, как он пишет в предисловии, «изображается стихотворческим вымыслом позорная гибель гордого Мамай, царя татарского, о котором из российской истории известно, что он, будучи побежден храбростью московского государя, великого князя Дмитрия Иоанновича на Дону, убежал с четырьмя князьями своими в Крым, в город Кафу, и там убит от своих». Во второй половине XVIII века несколько раз издается лубочный лист «Ополчение и поход великого князя Дмитрия Иоанновича противу злочестивого и безбожного царя татарского Мамай, его же Божиею помощью до конца победы»; выходит предназначенное для народа сочинение поручика Ивана Михайлова «Низверженный Мамай, или Подробное описание достопамятной битвы... на Куликовом поле» и другие сочинения.

В 1807 году, когда Россия жила в ожидании неминуемой войны с Наполеоном, имела всеобщий успех трагедия В.А. Озерова «Дмитрий Донской». Современный критик писал о ней: «Озеров возвратил трагедии истинное ее достоинство: питать гордость народную священными воспоминаниями и вызывать из древности подвиги великих героев, служащих образцом для потомства».

О воздействии этой трагедии на зрителя рассказал в своем дневнике С.П. Жихарев: «Вчера, по возвращении из спектакля, я так был взволнован, что не в силах был приняться за перо, да, признаться, и теперь еще опомниться не могу от тех ощущений, которые вынес с собою из театра... Я сидел в креслах и не могу отдать отчета в том, что со мною происходило. Я чувствовал стеснение в груди, меня душили спазмы, была лихорадка, бросало то в озноб, то в жар, то я плакал навзрыд, то аплодировал из всей мочи, то барабанил ногами по полу – словом, безумствовал, как безумствовала, впрочем, и вся публика, до такой степени многочисленная, что буквально некуда было уронить яблоко... Сцена слилась с зрительной залой; чувства, которые выражались актерами, переживались всеми зрителями; молитва, которою трагик Яковлев заключал пьесу, неслась из всех грудей, принималась как выражение общих стремлений».

В трагедии Озерова Мамай как действующее лицо не выходит на сцену, но его имя постоянно звучит в репликах героев пьесы.

Таким образом, в XVIII – начале XIX века воскрешенное имя хана Мамай, ставшее первым и главным символом ордынского ига, широко и во всех слоях общества распространяется по России. И тогда-то вновь оживает старая поговорка, но слово «мамай» теперь вос-

принимается как личное имя татарского военачальника и поэтому приобретает в написании прописную букву.

Шемякин суд

Выражение «Шемякин суд» в смысле «несправедливый, пристрастный, лживый суд с откровенно преднамеренным приговором в пользу не правой, а той стороны, которая дала большую взятку», существует в русском языке уже более шести веков, потому что, к сожалению, в течение всего этого времени не переводились ситуации, провоцирующие его применение.

Слово «шемяка» – старинное, к тому же, по указанию В.И. Даля, областное – нижегородское, и означает «бродяга, шатун». В средневековой Руси оно употреблялось как прозвище, но давно вышло из употребления, и его первоначальное значение забылось, хотя корень сохранился в фамилии Шемякин...

Своим нынешним значением поговорка обязана внуку Дмитрия Донского Дмитрию Юрьевичу (1420–1453), который имел прозвище Шемяка и принимал самое активное участие в междоусобной борьбе за московский великокняжеский престол.

Великим князем московским тогда был Василий II, тоже внук Дмитрия Донского, сын его старшего сына. Дмитрий Шемяка был сыном младшего. Так что противники были двоюродными братьями.

В этой борьбе Шемяка не гнушался никакими средствами. Когда в 1445 году Василий во время сражения с татарами, предпринявшими очередной набег на Русь, попал в плен, Дмитрий, воспользовавшись этим, со своей дружиной изгнал из Москвы бояр Василия и объявил себя великим князем московским. Полгода спустя Василий вернулся из плена в Москву. Шемяка схватил его, ослепил и отправил с семьей в Углич в заточение.

Только в 1447 году сторонники Василия сумели объединиться, собрать войско и при поддержке москвичей, которые признавали законным своим князем Василия, Дмитрий Шемяка был свергнут и изгнан в свой удельный город Галич Костромской.

Вся более чем двадцатилетняя борьба Дмитрия Шемяки за великокняжеский престол представляет собою бесконечную череду то примирений с Василием, то военных нападений на его земли. Во всех действиях Шемяки проявлялись главные черты его характера: жадность, жестокость и вероломство. Он грабил горожан и крестьян, у бояр, как у своих, так и у чужих, отбирал села, дома, нарушал законы и свои собственные обещания. Обиженных им было много, а княжеский суд – в те времена высший гарант справедливости – превратился в поношение правосудия. «От сего убо времени, – говорится в летописи, – в велицей Руссии на всякого восхитника во укоризнах прозвался Шемякин суд».

Митрополит Московский и всея Руси Иона в своем послании Шемяке, призывая его одуматься, дает такую характеристику его жизни и деяниям:

«Когда великий князь пришел из плена на свое государство, то дьявол вооружил тебя на него желанием самоначества: разбойнически, как ночной вор, напал ты на него, будучи в мире, и поступил с ним не лучше того, как поступили древние братоубийцы Каин и Святополк Окаянный. Но рассуди, какое добро сделал ты православному христианству или какую пользу получил самому себе, много ли нагосподарствовал, пожил ли в тишине? Не постоянно ли жил в заботах, в переездах с места на место, днем томился тяжелыми думами, ночью дурными снами? Ища и желая большего, ты погубил и свое меньшее».

Дмитрий Шемяка кончил свою жизнь в Новгороде, куда он убежал, спасаясь от гнева великого князя. Говорили, что его отравил собственный повар, подкупленный кем-то из его врагов, которых у Шемяки было очень много.

Со временем память об историческом князе Шемяке и его деяниях изгладилась из народной памяти, но поговорка осталась.

Два века спустя, во второй половине XVII столетия, в России среди многих других литературных произведений, распространявшихся в рукописях, появилась сатирическая «Повесть о Шемякином суде», главному герою которой – судье – автор дал имя Шемяка. В России XVII века еще не было обычая на литературном произведении обозначать имя сочинителя, поэтому мы не знаем имени автора и этой повести. Но с полной уверенностью можно сказать, что он писал ее, не имея в виду исторического Шемяку. Источником для повести стала известная старинная поговорка, он написал как бы иллюстрацию к ней на современном материале, и получилась сказка-сатира в том жанре, в котором двести лет спустя, во второй половине XIX века, писал свои сказки М.Е. Салтыков-Щедрин.

В неких местах, рассказывает «Повесть о Шемякином суде», жили два брата-земледельца – богатый и бедный. Бедный попросил у богатого лошадь привезти дров. Богатый лошадь дал, хомут дать пожалел. Бедный привязал воз за хвост лошади, и хвост оторвался. Богатый испорченную лошадь не взял, пошел бить челом на брата в город к судье. Бедняк отправился вместе с братом, рассудив, что судебные приставы все равно поведут его на суд против воли.

По пути братья заночевали у попа. Перед сном богатый брат с попом сели ужинать, бедного за стол не позвали. Бедный с полатей загляделся на еду, свалился вниз, угодил на зыбку с поповым сыном и задавил младенца насмерть. Теперь и поп присоединился к богатому брату, тоже пошел жаловаться на бедняка судье.

Шли они по высокому мосту. Бедный брат подумал, что ему все равно погибать, и бросился с моста вниз. А там мужик вез в телеге отца, бедняк упал прямо на старика, убив его. Мужик присоединился к богатому брату и попу.

Бедняк идет и думает: что бы дать судье и тем напасти избыть. Ничего у него нет... Поднял он камень, завернул в платок, положил в шапку.

Богатый брат изложил судье свое дело. Судья говорит бедняку: «Ответствуй!» Тот молча вынул из шапки камень в платке и поклонился.

Судья, подумав, что обвиняемый сулит ему взятку и, видимо, золотом, решает дело так: «Коли он лошади твоей оторвал хвост, – говорит он богатому брату, – не бери у него лошади своей до тех пор, пока у лошади не вырастет хвост. А как вырастет хвост, в то время и возьми».

На челобитье попа бедный брат опять достал из шапки узел с камнем и показал судье. Тот понял, что за второе дело мужик сулит ему вторую взятку, и объявил такой приговор: «Коли он у тебя сына зашиб, отдай ему свою жену-попадью до тех пор, покамест от попады твоей не добудет он ребенка тебе; а тогда заberi у него попадью вместе с ребенком».

На третье обвинение мужик отвечал так же, как и на предыдущие, и судья сообщил третьему истцу такой приговор: «Взойди на мост, а убивший отца твоего пусть станет под мостом. И ты с моста сверзнься сам на него и убей его так же, как он отца твоего».

После суда бедняк потребовал от своих обвинителей исполнения решения судьи, но те предпочли кончить дело миром. Богатый брат, чтобы вернуть свою хотя бы и бесхвостую лошадь, дал бедному пять рублей, поп за попадью – десять рублей, дал свою мзду и мужик, рассудив: «броситься мне с моста, так его, поди, не зашибешь, а сам расшибешься».

Между тем судья прислал к ответчику слугу за обещанной взяткой. «Дай то, что ты из шапки казал судье в узлах, – сказал слуга бедному брату, – он велел у тебя то взять». Бедный брат вынул из шапки узел, развернул и показал, что в нем находится. Слуга говорит: «Это же камень!» Бедный брат отвечает: «Это я судье и посулил. Когда бы он не по мне стал судить, убил бы его этим камнем».

Вернулся слуга к судье и все рассказал ему. Судья же Шемяка, выслушав слугу, сказал: «Благодарю и хвалю Бога, что по нему судил. Когда б не по нем я судил, то он бы меня зашиб».

«Повесть о Шемякином суде» у читателей и XVII, и следующего XVIII века имела большой успех и широкое распространение, ее читали и переписывали по всей России. Такая всеобщая известность и дала некоторым историкам и литературоведам повод считать, что выражение «Шемякин суд» обязано своим возникновением именно этой повести.

Однако повесть лишь способствовала сохранению и известности старинного крылатого выражения.

Филькина грамота

Филькиной грамотой сейчас называют документ, не имеющий никакой силы, фальшивку, подделку, которой не надо придавать значения.

Московское предание связывает это выражение с именем Филиппа Колычева (1507–1569) – митрополита Московского и всея Руси. Он был митрополитом всего три года – с 1566-го по 1569-й, но в страшное для России время разгула опричнины Ивана Грозного.

Филипп (до принятия монашества Федор Степанович) происходил из знатного боярского рода Колычевых, в тридцать лет ушел в Соловецкий монастырь, прошел суровое послушничество, впоследствии стал игуменом этого монастыря. По всей Руси Филипп пользовался славой праведника. В 1566 году Иван Грозный решил поставить его Московским митрополитом: царю нужно было, чтобы это место занимал известный, почитаемый в народе человек, который своим авторитетом освящал бы его политику. Но Филипп сказал царю: «Повинуюсь твоей воле, но умири мою совесть: да не будет опричнины! Всякое царство разделенное запустеет, по слову Господа, не могу благословлять тебя, видя скорбь Отечества». Иван Грозный был разгневан, но затем «гнев свой отложил» и поставил новые условия: он будет выслушивать советы митрополита по государственным делам, но чтобы тот «в опричнину и в царский домовый обиход не вступался». Филипп принял митрополитство.

На несколько месяцев казни и бесчинства опричников в Москве прекратились, затем все снова пошло по-прежнему.

Филипп в беседах наедине с царем пытался остановить беззакония, ходатайствовал за опальных, царь стал избегать встреч с митрополитом.

Филипп посылал Ивану Грозному письма-грамоты, в которых увещевал его опомниться. Увещательные письма митрополита не сохранились, царь в гневе говорил о них, что это пустые, ничего не значащие бумажки, чтобы унижить их и автора, называл «Филькиными грамотами» и уничтожал. Но то, что Филипп писал в своих грамотах царю, то же говорил ему и в лицо, поэтому о содержании «Филькиных грамот» мы знаем по воспоминаниям современника, в которых он пересказывает одну из увещательных речей митрополита, обращенную к Ивану Грозному.

Однажды, в воскресный день, во время обедни, в Успенский собор явился царь в сопровождении множества опричников и бояр. Все они были одеты в шутовскую, якобы монашескую одежду: в черные ризы, на головах высокие шлыки. Иван Грозный подошел к Филиппу и остановился возле него, ожидая благословения. Но митрополит стоял, смотря на образ Спасителя, будто не заметил царя. Тогда кто-то из бояр сказал: «Владыко, это же государь! Благослови его».

Филипп посмотрел на царя и проговорил:

– В сем виде, в сем одеянии странном не узнаю царя православного, не узнаю и в делах царства... О, государь! мы здесь приносим жертвы бескровные Богу, а за алтарем льется невинная кровь христианская. С тех пор, как солнце сияет на небе, не видано, не слыхано, чтобы цари благочестивые возмущали собственную державу столь ужасно! В самых неверных, языческих царствах есть закон и правда, есть милосердие к людям, а в России нет их! Достояние и жизнь граждан не имеют защиты. Везде грабежи, везде убийства. И совершаются именем царским! Ты высок на троне, но есть Всевышний, Судия наш и твой. Как предстанешь на суд Его? Обагранный кровию невинных, оглушаемый воплем их муки, ибо самые камни под ногами твоими вопиют о мести?!. Государь, вещаю яко пастырь душ.

Царь в гневе закричал на него:

– Филипп, ужели думаешь переменить волю нашу? Не лучше ли быть тебе одних с нами мыслей?

– Боюсь Господа единого, – отвечал митрополит. – Где же моя вера, если буду молчать? Иван Грозный ударил жезлом о каменный пол и сказал, как рассказывает современник, «голосом страшным»:

– Чернец! доселе я излишне щадил вас, мятежников, отныне буду таким, каковым вы меня нарицаете! – И с этими словами вышел из собора.

Народ московский, который наполнял храм, все это видел и слышал.

Царь велел произвести следствие о злых умыслах митрополита на царя. Под пытками монахи Соловецкого монастыря дали клеветнические показания на своего бывшего игумена. После этого Филипп во время службы в Успенском соборе был окружен пришедшими в храм опричниками, их предводитель, боярин Алексей Басманов, развернул свиток, и удивленный народ услышал, что митрополит лишен сана. Опричники сорвали с Филиппа митрополичье облачение, погнали из храма метлами, на улице бросили в дровни и отвезли в Богоявленский монастырь, в темницу. Царь казнил нескольких родственников митрополита, голову одного из казненных принесли ему в тюрьму. Затем он был водворен в тюрьму дальнего Тверского Отроч монастыря, а год спустя Иван Грозный послал туда Малюту Скуратова, и царский опричник собственноручно задушил Филиппа.

Еще при жизни Филипп был окружен любовью и почитанием народным. Его слова передавали тайно из уст в уста. Рассказывали о таком чуде: Иван Грозный повелел затравить митрополита медведем, и однажды вечером к нему в темницу запустили лютого зверя, которого до того нарочно морили голодом, а когда на следующий день тюремщики открыли дверь, то увидели Филиппа, стоящего на молитве, и лежащего тихо в углу медведя.

Царь Федор Иоаннович – сын и наследник Ивана Грозного – в отличие от отца славился благочестием, заняв отцовский престол, он приказал перенести останки святителя в Соловецкий монастырь и похоронить его там. В 1648 году Филипп был причислен к лику святых, так как обнаружилась чудотворность его мощей: они давали исцеление больным.

В 1652 году по представлению митрополита Новгородского (будущего патриарха Никона) царь Алексей Михайлович распорядился перевезти мощи святого Филиппа в Москву, полагая, что поскольку Филипп не был отрешен от Московской митрополичьей кафедры, то и должен быть там, где его паства.

Подобно тому, как византийский император Феодосий, посылая за мощами Иоанна Златоуста, чтобы перевезти их в Константинополь, написал молитвенную грамоту к святому, царь Алексей Михайлович также вручил Никону, назначенному сопровождать мощи, свое послание, обращенное к Филиппу:

«Молю тебя и желаю пришествия твоего сюда... – говорилось в послании, – ибо вследствие того изгнания и до сего времени царствующий град лишается твоей святительской паствы... Оправдался Евангельский глагол, за который ты пострадал: «Всяко царство, раздельшееся на ся, не станет» и нет более теперь у нас прекословящего твоим глаголам...»

Встречу мощей 3 июля 1652 года за Москвой на Троицкой дороге возле села Напрудного царь Алексей Михайлович описал в письме к боярину Оболенскому: «Бог даровал нам, великому Государю, великое солнце. Как древле царю Феодосию возвратил Он мощи пресветлого Иоанна Златоуста, так и нам благоволил возвратить мощи целителя... Филиппа митрополита Московского. Мы, великий Государь, с богомольцем нашим Никоном митрополитом Новгородским, со всем священным Собором, с боярами и со всеми православными даже до грудного младенца встретили его у Напрудного и приняли на свои главы с великой честью. Лишь только приняли его, подал он исцеление бесноватой немой: она стала говорить и выздоровела...»

Мощи святителя Филиппа были поставлены в Успенском соборе Кремля, а на месте встречи их царем и москвичами за Москвой установили дубовый крест с надписью, сообщающей о событии, послужившем причиной его установки.

Местность вокруг него впоследствии получила название «У креста» и «Крестовская застава». Сам крест стоял при дороге до 1929 года, а в этот год был перенесен в ближайшую церковь – Знамения в Переяславской слободе, где находится и поныне. Старое название местности сохранилось в названиях Крестовский переулок и Крестовский рынок.

Со временем позабылась связь между именем непокорного митрополита и выражением «Филькина грамота» – злобным словцом Ивана Грозного. Выражение «Филькина грамота» пошло гулять по Руси с тем значением, которое вложил в него царь Иван Грозный, а образ Филиппа остался в памяти народной как символ честного и неподкупного народного заступника.

Москва бьет с носка

Рукопашные и кулачные бои на Руси не московское изобретение, а очень давний обычай, еще языческий. Православные проповедники боролись против них, называя «богомерзкой забавой». Однако совсем искоренить кулачные соревнования не удавалось, в народном сельском и фабричном быту они сохранялись до начала XX века. Бои бывали жестокие, с увечьями и даже смертельным исходом, как бой удалого купца Калашникова с опричником царским Кирибеевичем, когда купец

Собрался со всею силою
И ударил своего ненавистника
Прямо в левый висок со всего плеча.
И опричник молодой застонал слегка,
Закачался, упал замертво...

Однако Калашников вышел против опричника не с желанием потешиться, испытать силу молодецкую, а шел на смертный бой с обидчиком. Борьба для забавы была менее жестока.

Московские бойцы славились своим искусством, своими приемами борьбы. Один из приемов был так известен, что вошел в поговорку: «Москва бьет с носка».

Прием этот изображен на лубочной картинке начала XVIII века «Удалые молодцы, славные борцы». На ней изображены сошедшиеся в схватке крестьянин и солдат. Прием заключался в том, чтобы схватить противника рукой за ворот и, дернув назад, в то же время подбить носком ногу противника так, чтобы тот потерял равновесие и упал навзничь. Именно этот прием борьбы стал кульминацией и развязкой событий, изображенных в исторической песне-былине «Мастрюк Темрюкович», известной по рукописному сборнику середины XVIII века, составленному Киршею Даниловым, – первому русскому фольклорному сборнику.

В песне «Мастрюк Темрюкович» рассказывается о том, как в годы прежние, времена первоначальные, когда царь Иван Васильевич был холост, женился он на дочери хана Золотой Орды Темрюка Марье Темрюковне – «купаве крымской, царице благоверной» – и привез ее в Москву белокаменную. С молодой царицей в Москву приехал ее брат, молодой Мастрюк Темрюкович. Был он силен, удачлив, поборол семьдесят борцов, а равного себе борца не повстречал. И вот захотел он царя потешить, с московскими борцами сразиться, Москву загонять. А силен он был так, что, когда прыгнул и задел левой ногой за столы белодубовые, повалил тридцать столов, прибил триста гостей. Хотя гости живы остались, да стали ни на что не годны, на карачках ползают по палате белокаменной. А Мастрюк смеется-похваляется:

– А свет ты, вольный царь,
Царь Иван Васильевич!
Что у тебя в Москве
За похвальные молодцы,
Поученые, славные?
На ладонь их посажу,
Другой рукою раздавлю.

(В других вариантах былины говорится, что Матрюк грозит захватить Москву и сесть на ней царем. «На тебя лихо думаю», – заявляет он царю.)

Вышли против Матрюка два брата – московские мужики Мишка и Потанька Борисовичи. Началась схватка. Ждет царь-государь, чем она кончится, кому будет Божья помощь.

А и Мишка Борисович
С носка бросил о землю
Он царского шурина.
Похвалил его царь-государь:
«Исполать тебе, молодцу,
Что чисто борешься!»

В этой песне-былине, как и во всех былинах, есть и реальная историческая основа, и легенда. В 1561 году Иван Грозный женился вторым браком на дочери кабардинского князя Темрю-ка Марии (умерла в 1569 г.), у нее был брат Матрюк, который действительно гостил в Москве. А вот братья Борисовичи – персонажи другой песни о событиях, происходивших за двести с лишним лет до царствования Грозного, песни «Щелкан Дуденьевич» о восстании тверичей против ханского баскака Чолхана в 1327 году, во время которого ненавистный сатрап был убит. Руководили восстанием «два брата родимые, два удалых Борисовича».

В других вариантах песни-былины «Матрюк Темрюкович» Марию называют то дочерью литовского царя, то польского, то Большой Орды, то вообще некоторой неопределенной «неверной земли», ее брат называется Кострюком, Кострюком-Мострюком, но все варианты былины едины в главной своей идее: как московский борцовский прием защитил честь московских борцов, а может быть, даже спас от разорения и, гибели Московское царство.

Божий суд

Все, читавшие замечательный роман Алексея Константиновича Толстого «Князь Серебряный», конечно, помнят одну из самых захватывающих его глав «Божий суд», в которой описывается поединок благородного боярина Дружины Андреевича Морозова и опричника князя Афанасия Ивановича Вяземского. И сама драматическая причина поединка, и подробное описание деталей происходящего, каждая из которых, как понимает читатель, может оказать решающее влияние на судьбу героев, и неожиданное развитие событий дают читателю яркое представление об одном из обычаев средневековой Руси – о поле – судебном поединке. На Руси его также называли Божьим судом, веря, что Бог поможет победить правому.

Поединок, который описывает А.К. Толстой, происходит на Красной площади ввиду высокого общественного положения тяжущихся и того, что в деле был заинтересован сам царь Иван Васильевич Грозный, прибывший посмотреть на бой.

Обычно же судебные поединки в Москве издавна происходили на луговине между Владимирской дорогой в конце нынешней Никольской улицы, являющейся частью этой древней дороги, и рекой Неглинкой, сейчас заключенной в трубу, но тогда протекавшей по Неглинной улице и против нынешнего «Метрополя» поворачивавшей на запад, к Театральной площади.

Сейчас там, где было поле, стоит памятник Первопечатнику Ивану Федорову, рядом с которым находится своеобразный музей – раскрытый археологический раскоп, в котором видны фундамент и часть белокаменной кладки одной из самых древних церквей Москвы. Раскопанные каменные фрагменты археологи датируют XIV веком. Но так как обычно каменной церкви предшествовала деревянная, то, значит, заложена на этом месте церковь была еще раньше.

Эта церковь, снесенная в 1934 году, называлась церковью Троицы в Полях, или Троицы, что в Старых Полях. Древность ее основания подтверждается тем, что в летописи под 1493 годом она уже называется «Старая Троица».

Около этой церкви в XV–XVI веках, а может быть, и ранее (историк А.Ф. Малиновский полагает, что в XIII веке) находились специально оборудованные места для поля – для конных и пеших судебных поединков.

Поле назначалось, когда один из тяжущихся, не удовлетворенный судебным разбирательством, объявлял: «Я отдаюсь на суд Божий и прошу поля», и тогда суд назначал поединок.

За исполнением установленных правил поединка наблюдали государственные чиновники – окольничий и дьяк.

Спорящие условились о том, каким будет бой – конным или пешим – и об оружии, оно должно было быть одинаковым. Разрешалось любое оружие, кроме пищали (ружья) и лука.

В поле не принимались в расчет социальные различия, все на нем были равны, «в поле воля: в поле съезжаются – родом не считаются», – говорит пословица.

Старики и малолетние, увечные, женщины, то есть заведомо непригодные для боя люди, имели право выставить за себя наемного бойца.

До начала боя противники могли помириться, но, когда они вступали в бой, мировая не допускалась: «До поля – воля, а в поле – поневоле».

Итальянский купец Рафаэль Барберини, приезжавший в Москву по торговым делам в 1565 году, описал тяжелое вооружение конного участника судебного поединка: «Прежде всего надевают они большую кольчугу с рукавами, а на нее латы; на ноги чулки и шаровары также кольчужные; на голову шишак, повязанный кругом шеи кольчужною сеткою, которую

посредством ремней подвязывают под мышки; на руки также кольчужные перчатки. Это оборонительное оружие. Наступательное же есть следующее: для левой руки железо, которое имеет два острых конца, наподобие двух кинжалов, один внизу, другой наверху, в середине же отверстие, в которое всовывают руку, так что рука не держит оружия, а между тем оно на ней. Далее, имеют они род копья, но вилообразного, а за поясом – железный топор. В семто вооружении сражаются они до тех пор, пока один из них не признает себя потерявшим поле».

Падение одного из сражавшихся на землю считалось его поражением: «У поля не стоять, все равно что побиту быть».

Недостойным поведением считалось бахвалиться перед боем; пословица предостерегала: «Не хвались в поле едучи, хвались – из поля».

О самом бое также говорят пословицы: «В поле ни отца, ни матери – заступиться некому», «Коли у поля стал, так бей наповал», «Лучше умирай в поле, чем в бабьем подоле», и главная: «В поле две воли: кому Бог поможет» (или «кому Божья милость»).

Само собой подразумевалось, что бой будет честный, без подвохов, об этом даже не договаривались, и это условие всегда соблюдалось. Из свидетельств Барберини и Герберштейна известно, что прибегали к нечестным приемам только иностранцы. Барберини рассказывает, как какой-то литвин украдкой вместе с оружием взял мешочек песку и, улучив момент, тайком бросил горсть в глаза противнику, ослепив его. «Москвитянин, – пишет Барберини, – не могши ничего видеть, признал себя побежденным». Герберштейн пишет о другом иноземце, вышедшем до этого в более чем двадцати поединках победителем. Этот иноземец, припрятав камни, метал их в соперника. Победил он и в этом поединке, но на сей раз был разоблачен. «Государь (Василий III), – рассказывает Герберштейн, – пришел от этого в негодование и велел тотчас позвать к себе победителя, чтобы взглянуть на него. При виде его он плюнул на землю и приказал, чтобы впредь ни одного иноземцу не определяли поединка с его подданными».

Духовенство не одобряло судебных поединков; начиная с XV века на их участников накладывались духовные наказания. Поединки были запрещены и государевым указом 1556 года. Осуждение поединков отразилось и в пословицах: «В поле чья сильней, та и правит», «Ослоп не Господь, а дубина не судьбина». Однако древний обычай был сильнее и увещеваний, и наказаний, поединки окончательно прекратились лишь к концу XVI века, оставив о себе память в романтических преданиях и став одним из любимых сюжетов исторических романов.

В том же месте, возле церкви Троицы, что в Старых Полях, имелась еще одна разновидность поля, служившая решению судебных споров. Эта разновидность поля представляла менее опасности для тяжущихся и исключала тяжелые раны и смертельный исход. Об этих схватках, ссылаясь на предание, сообщает «Церковный словарь» П. Алексеева 1818 года издания.

На поле была вырыта специальная канава, тяжущиеся вставали над ней по разным сторонам, наклонивши головы, хватили друг друга за волосы и тянули. Кто кого перетягивал, тот считался правым.

(В некоторых работах вместо канавы называется река Неглинная, но она была достаточно широка, чтобы можно было дотянуться руками до волос стоящего на другом берегу человека.)

Существование такого «поля» подтверждают старинные пословицы. Одна советует помириться – «ударить по рукам» – до поединка: «Подавайся по рукам, легче будет волосам». Другая говорит о том, что от «тяги» волосы могут пострадать: «За неволю волосы вянут, когда за них тянут». А над неудачником посмеиваются: «Не тяга – сын боярский!»

Видимо, после того, как бои на поле с оружием были запрещены, к тому же по части территории поля в 1533–1538 годах прошла Китайгородская стена, «тяга» над канавой еще долго практиковалась, а затем перешла в распространеннейший прием самой вульгарной драки, о чем В.И. Даль и пословицу приводит: «Наши дерутся, так волоса в руках остаются» и добавляет, что драку называют «постричь без ножниц».

Вот тебе, бабушка, и Юрьев день

В Древней Руси написание календарных дат с указанием названия месяца и соответствующего порядкового номера дня употребляли в официальных, юридических актах, в летописании. В быту же пользовались обычно православно-праздничным календарем, то есть обозначали день названием религиозного праздника или именем святого, память которого приходилась на этот день. Описательность, предметность праздничного христианского календаря очень хорошо сочеталась с конкретностью народного сельскохозяйственного календаря, основанного на многовековом трудовом опыте и фенологических наблюдениях: когда и какие сельскохозяйственные работы проводить и в какие сроки какой погоды ждать. В результате такого сочетания возникали яркие и легко запоминающиеся календарные вехи.

Замечательный писатель, знаток народного языка и поверий, москвич А.М. Ремизов в сборнике рассказов «Николины притчи» пишет, как Николу (святого Николая Чудотворца) в его праздник – на Никольщину – собрались поздравить святые, и писатель, перечисляя их, называет теми именами, под которыми они известны в народном православно-сельскохозяйственном календаре.

«Перед вратами рая, под райским деревом за золотым столом сидели угодники Божьи.

Все святые собрались на Никольщину: Петр – полукорм, Афанасий – ломонос, Тимофей – полужимник, Акулиня – полухлебница, Власий – сшиби-рог-с-зимы, Василий – капельник, Евдокия – плющица и Герасим – грачевник, Алексей – с-гор-вода, Дарья – загрязни-проруби, Федул – губы-надул, Родион – ледолом, Руфа – земля-рухнет, Антип – водопол, Василий – выверни-оглобли и Егор – скотопас, Степан – ранопашец, Ярема – запрягальник, Борис и Глеб – барыш-хлеб, Ирина – рассадница, Иов – горошник, Мокий – мокрый, Лукерья – комарница, Сидор – сиверян и Алена – льносейка, Леонтий – огуречник, Федосья – колосяница, Еремей – распрягальник, Петр – поворот, Акулина – гречушница – задери-хвосты, Иван – купал, Аграфена – купальница, Пуд и Трифон – бессонники, Пантелеймон – паликоп, Евдокия – малинуха, Наталья – овсяница, Анна – скирдница и Семен – летопроевец, Никита – репорез, Фекла – заревница, Пятница – Параскева, Кузьма-Демьян – с-гвоздем, Матрена – зимняя, Федор – студит, Спиридон – поворот, три отрока, сорок мучеников, Иван – Поститель, Илья Пророк, Михайло Архангел да милостливая жена Аллилуева, милосердая».

В православно-крестьянском календаре два дня связаны с именем святого великомученика Георгия – 23 апреля (память мученической кончины святого) и 26 ноября (освящение церкви Георгия в Киеве в 1037 году Ярославом Мудрым, который тогда же заповедал по всей Руси «творити праздник св. Георгия» в этот день).

В России наряду с формой имени Георгий широко употреблялись также формы – Егор и Юрий. Апрельский Юрий (или Егорий) назывался «вешним», ноябрьский – «холодным», «зимним», а также «Егорием – с-мостом», так как к этому времени реки замерзали, и по ним можно было ходить и ездить, как по мосту.

В крестьянском земледельческом обиходе оба эти дня занимали важное место.

Вешний Юрьев день – начало сельскохозяйственных работ, в этот день, по поверьям, святой Юрий ходит по полям и велит расти житу, в этот день поют:

Юрий, вставай рано,
Отмыкай землю,
Выпускай росу
На теплое лето,
На буйное жито,

На ядронистое,
На полосистое,
Людам на здоровье.

А главное, на Руси с давних времен на вешнего Егория крестьяне, которые не могли прокормиться со своего надела, рядились к богатым хозяевам на работу в страду. К весне у большинства бедняков кончались все запасы (недаром у вешнего Егория было и другое название – «голодный»), поэтому, рядясь, бедняки были особенно сговорчивы: лишь бы сейчас в счет будущей работы получить задаток, пережить бескормицу. При этом часто бывало, что сначала работник радуется – пропитание добыл, а потом сообразит – попал в кабалу: работать-то в страдную пору, когда плата высока, придется за сущие гроши. Но ничего не поделаешь, договор есть договор, и задаток уже проеден. А хозяин, конечно, радуется.

Подобный обман батраков был столь массовым и обычным явлением, что на Руси появился для его обозначения специальный глагол – объегорить.

Впоследствии глагол получил более широкое значение, и В.И. Даль в своем «Толковом словаре живого великорусского языка» указывает только общий, безотносительно к весеннему найму работников, смысл: «плутовски обмануть, обобрать».

С ноябрьским Егорием, «Егорием холодным», также связан целый ряд обычаев и поверий. «Юрий начинает полевые работы, Юрий и оканчивает», – говорили прежде. Неделя до Юрьева дня и неделя после него – время расчетов и расплаты. «Юрий холодный оброк собирает», – напоминает пословица.

По установленному неизвестно когда и существовавшему до конца XVI века обычаю в эти дни крестьяне-батраки имели право переходить от одного хозяина к другому. Обычай этот держался столетия и заставлял хозяев, не желавших лишиться рабочей силы, умерять эксплуатацию, а мужик сохранял хоть какое-то право на свободный выбор; опять же если хозяин окажется скупцом или будет заставлять работать через силу, то терпеть это не всю жизнь, а только год. «Мужик не тумак, знает, когда живет Юрьев день», – говорилось в пословице.

Генрих Штаден, опричник Ивана Грозного, в своем описании Московского государства того времени сообщает: «На св. Юрия осеннего крестьяне имеют свободный выход. Они живут или за великим князем, или за митрополитом, или еще за кем-нибудь. Если бы не это, то ни у одного крестьянина не осталось бы ни пфеннига в кармане, ни лошади с коровой в стойле».

Но землевладельцы, за которыми и на земле которых жили крестьяне, были заинтересованы в постоянных и полностью подвластных им работниках. Тем более что к концу XVI века Россия, разоренная войнами Ивана Грозного, еще и разрушившим хозяйственную систему страны разделением ее на земщину и опричнину, находилась в состоянии общего упадка. Села пустели, крестьяне уходили из них в поисках лучшей доли, вотчины и поместья бояр и дворян, то есть «воинства» и «служилых людей», оставались без работников, и, как написано в одном документе того времени, «от того великая тощета воинским людям прииде».

Чтобы поправить «тощету» землевладельцев, Иван Грозный разрешил, при необходимости, в отдельных хозяйствах некоторые годы объявлять «заповедными», когда крестьянам запрещалось уходить в Юрьев день.

В царствование сына Ивана Грозного Феодора помещики стали все чаще и чаще прибегать к «заповеданию» перехода крестьян и холопов от одного хозяина к другому. Крестьяне бежали от помещиков «с женами и детьми», их ловили, возвращали, наказывали. Помещики в оправдание своих действий и расправ, по мнению крестьян, несправедливых, ссылались

на разные царские указы, поступавшие из Москвы. Наконец, в 1593 году было объявлено, что выход крестьян вообще запрещен.

Современник пишет об этом: «При царе Иоанне Васильевиче крестьяне выход имели вольный, а царь Федор Иоаннович по наговору Бориса Годунова, не слушая совета старейших бояр, выход крестьянам приказал, и у кого koliko тогда крестьян где было, книги учили».

Полный запрет выхода крестьян от землевладельца даже в освященный давностью и обычаем срок – на осеннего Юрия – и породил общеупотребительную и сейчас пословицу: «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!»

Но в отличие от обычного утвердительного тона пословиц в этой прежде всего ощущается эмоциональность и чувство удивления. Это подчеркивают и толкования пословицы в различных словарях: «Не осуществились чьи-либо надежды, ожидания; выражение удивления, огорчения, разочарования по поводу чего-либо неосуществившегося, несостоявшегося» («Словарь русских пословиц и поговорок». М., «Советская энциклопедия», 1967); «Выражение разочарования из-за неудачи в каких-либо непредвиденных обстоятельствах» («Опыт этимологического словаря русского языка». М., «Русский язык», 1987).

Вот уже четыреста лет живо и памятно удивление и огорчение русского человека, высказанное пословицей, по поводу отмены Юрьева дня. Огорчение – понятно, но почему – удивление? Разве мало разные властители издавали антинародных законов? Народ отвечал на них проклятьями, стоном, отчаянием, и лишь один этот вызвал удивление. Почему? Видимо, этот антинародный указ в чем-то имел отличие от остальных аналогичных законов.

И это действительно так.

О Юрьеве дне, его экономическом и социальном значении и отмене существует большая литература. Но современный петербургский историк Р.Г. Скрынников, исследуя роль Бориса Годунова в создании Указа об отмене Юрьева дня, обнаружил, что никто из историков не приводит текст самого указа, а все пользуются только косвенными указаниями на него.

Подлинный царский Указ 1592 (или 1593) года никогда не был опубликован, и никто его не видел. Можно допустить, что в годы Смуты он мог погибнуть, хотя ввиду его важного значения с него должны были бы снять не одну копию. Но возможно, судьба была к нему особенно сурова: многие архивы конца XVI века бесследно исчезли.

Однако Скрынников обращает внимание на необъяснимый, с его точки зрения, факт, который позволяет сделать совершенно определенный вывод.

«При вступлении на трон, – пишет историк, – Лжедмитрий I велел собрать законы своих предшественников и объединить их в Сводный судебник. Его приказ выполняли дьяки, возглавлявшие суды при царях Федоре Иоанновиче и Борисе Годунове. В их руках были нетронутые архивы. Тем не менее они не смогли найти и включить в свод законов указ, аннулировавший Юрьев день. Эта странная неудача может иметь лишь одно объяснение: разыскиваемый указ, по-видимому, никогда не был издан».

А раз указ не был издан, значит, и народу о нем не объявляли. А раз не объявляли, значит, крестьяне узнали о том, что должны теперь навсегда оставаться у хозяина, только тогда, когда уже собрались на волю; их первой реакцией, естественно, было удивление, а потом и огорчение. Как сказано в другой тогдашней пословице: «Сряжалась баба на Юрьев день погулять с боярского двора, да дороги не нашла».

Видимо, получилось так: землевладельцы, ссылаясь на царский указ, толковали в своих интересах разрешение в критических обстоятельствах объявлять «заповедным» определенный год как свое право вообще запретить крестьянские переходы.

Так обьегорили мужика знатные бояре и благородные дворяне и на Юрия-зимнего.

Так или иначе, отмена Юрьева дня – мера, по мнению историков, направленная на укрепление государственной экономики, объективно принесла больше вреда, чем пользы,

как и все вообще «экономические реформы», проводимые за счет ухудшения положения одной части населения страны в пользу улучшения положения другой.

Государственный деятель времени Петра I историк В.Н. Татищев, разбирая законодательство XVI века, писал о «законе» Бориса Годунова об отмене Юрьева дня: «Сей закон он учинил... надеясь тем ласканием более духовным и вельможам угодить и себя на престоле утвердить, а роптание и многие тяжбы пресечь; но вскоре услыша... о сем негодование и ропот... не токмо крестьян, но и холопей невольными сделал, из чего великая беда приключилась, и большею частию чрез то престол с жизнью всяя своея фамилии потерял, а государство великое разорение претерпело».

Митькой звали

Во фразеологическом словаре Э.А. Вартаньяна «В честь и по поводу» (М., 1987) об этом выражении сказано: «Фразеологизм, передающий понятие: «исчез безвозвратно». Но в отличие от родственных ему народных выражений – поминай как звали; и след простыл; только его и видели; и был таков – употребляется только по отношению к человеку». Далее автор задается вопросом: «Кто есть Митька? Каков источник этой поговорки?» – и сам себе отвечает: «Вряд ли исследователи готовы сегодня ответить на эти вопросы». Отмечая, что фразеологизм встречается в дореволюционной и советской литературе, он приводит пример из повести Б.Горбатова 1930-х годов «Мое поколение»: «И очень просто: деньги возьмут, а уполномоченный и был таков: Митькой звали...»

Ход рассуждений Э.А. Вартаньяна правилен, но он упустил очень важный дополнительный смысл, заложенный в этом фразеологизме: персонаж-то исчез, но в памяти осталось его имя – Митька. Кроме того, в подтексте ясно просматривается еще одна мысль: «Кто его знает, кто он такой, но все звали его Митькой».

Приняв во внимание все оттенки смысла фразеологизма, можно предположить с большой долей вероятности, к какому историческому лицу он относится.

После смерти Ивана Грозного и восшествия на престол его сына Федора Иоанновича последняя – седьмая – жена Грозного Мария Нагая с двухлетним сыном царевичем Дмитрием была выслана в Углич. Все знали, что царь Федор выслал их по настоянию Бориса Годунова – своего шурина и фактического правителя государства.

15 мая 1591 года царевич Дмитрий погиб в Угличе при странных и до настоящего времени до конца не проясненных обстоятельствах. По одной версии, мальчик, играя ножичком «в тычку», упал в припадке эпилепсии горлом на нож и тем нанес себе смертельную рану. По другой версии, его убили сын его воспитательницы-мамки Осип Волохов, дьяк Михайло Битяговский и племянник Битяговского Никита Качалов, приставленные Борисом Годуновым для наблюдения за вдовствующей царицей.

Пять дней спустя после гибели царевича из Москвы прибыла комиссия, состоявшая из митрополита Сарского и Подонского Геласия и высших государственных чиновников – боярина Василия Шуйского, окольничего Андрея Клешнина и дьяка Елизария Вылузгина. При произведенном комиссией следствии обнаружили свидетели как первой, так и второй версий. Однако следователи пришли к однозначному выводу, утвержденному затем патриархом: «Царевичу Дмитрию смерть учинилась Божьим судом», то есть что произошло не убийство, а несчастный случай. Об этом было объявлено народу. Но толки о том, что царевича убили по приказу Бориса Годунова, в народе не прекращались.

Вскоре царицу Марию Нагую насильно постригли в монахини и отправили в дальний северный монастырь. Она получила монашеское имя Марфа. Ее родственники также понесли различные наказания.

С годами это происшествие стало забываться, затерялась и могила царевича Дмитрия, так как Нагие не успели поставить на ней памятник.

В 1598 году умер царь Федор Иоаннович, с ним пресеклась династия московских царей-рюриковичей, то есть потомков первого легендарного русского князя Рюрика. Царем был избран Борис Годунов, и тогда вновь начались разговоры о царевиче Дмитрии.

Но теперь говорили не о коварном убийстве царевича нынешним царем, а о том, что в Угличе был убит не царевич, но какой-то другой мальчик, а настоящий царевич Дмитрий спасся и что он ныне жив.

В 1601 году в Польше объявился молодой человек примерно такого же, как погибший царевич, возраста, который утверждал, что он – сын царя Ивана Грозного – Дмитрий.

Королю и польским вельможам он рассказал, что, когда был еще младенцем, некий приближенный царя Ивана Грозного (некоторые источники называют имя боярина Бельского, которого Иван Грозный на смертном одре назначил опекуном малолетнего сына), предвидя, что в борьбе за престол обязательно найдутся претенденты, которые постараются убить царевича, подменил его другим ребенком, а Дмитрия воспитывал втайне, в одной верной дворянской семье. Когда же воспитатель состарился и дни его близились к концу, он открыл юноше тайну его происхождения и посоветовал для собственной безопасности стать монахом, что Дмитрий и сделал. В монашеском обличье царевич обошел всю Россию. Но один монах кремлевского Чудова монастыря опознал его, и тогда Дмитрий был вынужден бежать за границу. Дмитрий попросил у польского короля помощи деньгами и войском для того, чтобы вернуть законно принадлежащий ему российский престол.

При первом же известии о царевиче Дмитрие, полученном в Москве, правительство Бориса Годунова объявило его самозванцем, даже было названо его настоящее имя – Григорий Отрепьев, монах Чудова монастыря.

Осенью 1604 года царевич Дмитрий перешел русскую границу. Сопровождавшее его войско было невелико, но народ – крестьяне, холопы, дворяне, казаки, разоренные царствованием Ивана Грозного с его бесчеловечной опричниной, недовольные Борисом Годуновым, в царствование которого один мор следовал за другим, что многие считали карой за то, что на престоле сидит незаконный царь, – присоединился к войску законного, как он полагал, наследника.

Сам Борис Годунов, хотя объявил его самозванцем, видимо, в глубине души вполне допускал, что на Москву идет настоящий царевич. Голландский купец Исаак Масса, живший в эти годы в Москве и хорошо осведомленный о дворцовой жизни, в своих записках рассказывает любопытный эпизод: Борис повелел привезти из северного монастыря бывшую царицу Марию Нагую – инокиню Марфу для допроса. Ее тайно провели в спальню Годунова, и он, рассказывает купец, «вместе со своею женою (дочерью Малюты Скуратова – главного палача в царствование Ивана Грозного. – *В.М.*) сурово допрашивал ее, как она полагает, жив ее сын или нет; сперва она отвечала, что не знает, тогда жена Бориса возразила: «Говори, блядь, то, что ты хорошо знаешь!» – и ткнула ей горящею свечою в глаза, и выжгла бы их, когда бы царь не вступился, так жестокосерда была жена Бориса; после этого старая царица Марфа сказала, что сын ее еще жив, но что его тайно, без ее ведома, увезли из страны, о чем впоследствии она узнала о том от людей, которых уже нет в живых... Борис велел увести ее, заточить в другую пустынь и стеречь еще строже».

В то же время и в народе говорили: «Пусть на Москве проклинают какого-то Гришку Отрепьева, батюшке-царевичу от этого не станется: он не Отрепьев».

Чем ближе подходил Дмитрий к Москве, тем сильнее волновалась столица. Его тайные гонцы привозили послания, которые читались повсюду: «Божием произволением и Его крепкою десницею, покровенною нас от нашего изменника Бориса Годунова, хотящего нас злой смерти предати, и Бог милосердный злокозненного... помысла не восхоте исполнити, и меня, государя вашего прирожденного, Бог невидимою силою укрыл и много лет в судьбах своих сохранил. И аз, государь царь и великий князь Димитрий Иванович, ныне приспел в мужество, с Божиею помощию иду на престол прародителей наших...»

Борис Годунов умер 13 мая 1605 года, завещав престол сыну Федору. Федор процарствовал лишь две недели. 1 июня в Москве начались волнения горожан, подогреваемые боярами – противниками Бориса Годунова. Его вдова, сын и дочь были арестованы и водворены в темницу. 20 июня в Москву вступил Дмитрий.

Очевидец вступления Дмитрия в Москву Исаак Масса подробно описывает его: «Дмитрий весьма приблизился к Москве, но вступил в нее только, когда достоверно узнал, что вся страна признала его царем, и вступление свое он совершил 20 июня. И с ним было

около восьми тысяч казаков и поляков, ехавших кругом него, и за ним следовало несметное войско, которое стало расходиться, как только он вступил в Москву; все улицы были полны народом так, что невозможно было протолкаться; все крыши были полны народом, также все стены и ворота, где он должен был проехать; и все были в лучших нарядах и, считая Дмитрия своим законным государем и ничего не зная другого (о нем), плакали от радости. И миновав третью стену и Москву-реку, и подъехав к Иерусалиму – так называется церковь на горе, неподалеку от Кремля (собор Василия Блаженного. – В.М.) – он остановился со всеми окружавшими и сопровождавшими его людьми и, сидя на лошади, снял с головы свою царскую шапку и тотчас ее надел опять и, окинув взором великолепные стены и город, и несказанное множество народа, запрудившее все улицы, он, как это было видно, горько заплакал и возблагодарил Бога за то, что Тот продлил его жизнь и сподобил увидеть город отца своего, Москву, и своих любезных подданных, которых он сердечно любил. Много других подобных речей (говорил Дмитрий), проливая горячие слезы, и многие плакали вместе с ним...»

Из монастыря привезли мать Дмитрия инокиню Марфу, по пути ей оказывали почести как вдовствующей царице. В подмосковном царском дворце – Тайнинском – произошла встреча матери и сына, и Марфа признала его. Признал в нем Дмитрия и боярин Василий Шуйский. И многие тогда поверили, что перед ними действительно сын царя Ивана Грозного.

Дмитрий царствовал менее года. Облегчения жизни народу «законный» государь не принес, стало даже тяжелее, так как ему требовались дополнительные деньги для уплаты полякам за помощь. Кроме того, у народа вызывало раздражение, что царь душой больше привержен к иностранцам и к католической вере, чем к своим людям и православию. Поляки вели себя в Москве вызывающе, будто здесь хозяева не москвичи, а они. За спиной у Дмитрия вел свою интригу боярин Василий Шуйский. Вслух он чествовал его как государя, а шепотком говорил, что он – самозванец. В конце концов, уже вся Москва разглядела: странно, не похоже на русского государя ведет себя этот царевич и в больших делах и в малых, обиходных: не так молится, не чтит святых икон, не отдыхает после обеда, как заведено от века. Особо сильное недовольство вызвала женитьба Дмитрия на католичке Марине Мнишек и свадебные торжества, когда ради иноземных гостей выгнали москвичей из их домов в Китае и Белом городе.

Между тем заговорщики во главе с Шуйским, который намеревался сам занять царский трон, уже были готовы к выступлению и вместе с народом «положили избыть расстригу и ляхов».

Волнения начались 12 мая. В этот день, как повествует Карамзин, «говорили торжественно, на площадях, что мнимый Дмитрий есть царь поганый: не чтит святых икон, не любит набожности, питается гнусными яствами, ходит в церковь нечистый, прямо с ложа скверного, и еще ни однажды не мылся в бане с своею поганою царицею; что он, без сомнения, еретик и не крови царской».

Пять дней спустя волнения превратились в общий бунт, заговорщики ворвались в Кремль и убили царя-самозванца. Его труп вытащили на площадь и бросили возле Лобного места... Затем его сожгли, смешали с порохом и выстрелили из пушки в ту сторону, откуда пришел самозванец.

Царем, как и ожидалось, «выкрикнули» Шуйского, и он занял престол.

Но мало было физически уничтожить самозванца, его нужно было развенчать морально. Шуйский со священством предпринимают самый убедительный в тех условиях шаг: извлекаются останки царевича Дмитрия, Шуйский вопреки своему прежнему заявлению, говорит, что царевич был убит по приказу Годунова, мать – инокиня Марфа – принародно, обливаясь слезами, молит царя (Василия Шуйского), духовенство, народ «простить ей грех согласия с ложным Дмитрием» и ее обман. Грех ей был прощен. Царевич Дмитрий

был причислен к лику святых как невинно убиенный. Таким образом, самозванство правившего почти год Россией царя было как будто полностью удостоверено, и в истории за ним закрепилось имя Лжедмитрия.

Но гибелью Лжедмитрия Смута в России не закончилась. Царствование Шуйского, «лукавого царедворца», как назвал его А.С. Пушкин, кончилось его низложением в 1610 году и смертью два года спустя в польском плену. После него во главе России находились семь бояр (о них есть своя пословица, и рассказ об этом будет впереди); польский король стремился сам занять русский престол или посадить на него своего сына Владислава; объявились еще несколько Лжедмитриев, один из них, прозванный Тушинским вором, так как он стоял лагерем в Тушине под Москвой, больше года держал в осаде столицу. Появление новых самозванцев стало возможно из-за того, что, несмотря на все разоблачения, многие люди в России были склонны более верить пришедшему человеку, чем собственному правительству.

Конец Смуте положило народное ополчение под командованием Козьмы Минина и князя Дмитрия Пожарского, освободившее Москву от польско-литовских интервентов, и восшествие на русский престол Михаила Федоровича Романова.

Но в череде ярких исторических персонажей русской Смуты XVII века одна фигура вызывает особый интерес и особое любопытство – это фигура Лжедмитрия I.

До сих пор, несмотря на окончательно принятый и многократно подтвержденный научными авторитетами официальный вывод, что Лжедмитрий I был самозванцем, то один, то другой историк возвращается к старым документам, и его начинают обуревать сомнения.

Даже такой строгий фактограф, как С.М. Соловьев, вовсе не склонный ни к романтике, ни к фантазиям, подойдя к итоговой оценке Лжедмитрия I, никак не может сделать однозначный вывод и начинает сомневаться не в царском его происхождении, а в самозванстве. «Сознательно ли он принял на себя роль самозванца, – пишет Соловьев, – или был убежден, что он истинный царевич?.. В нем нельзя не видеть человека с блестящими способностями, пылкого, впечатлительного, легко увлекающегося... В поведении его нельзя не заметить убеждения в законности прав своих: ибо чем объяснить ту уверенность, доходящую до неосторожности, эту открытость и свободу в поведении? Чем объяснить мысль отдать свое дело на суд всей земли, когда он созвал собор для исследования обличений Шуйского? Чем объяснить в последние минуты жизни это обращение к матери? На вопрос разъяренной толпы, – точно ли он самозванец? Дмитрий отвечал: «Спросите у матери!»

Таков герой фразеологизма «Митькой звали». Сколько народу ни твердили, что Лжедмитрий – это Гришка Отрепьев, а он в раздумье повторяет: «Митькой звали...»

В Москве вплоть до начала XX века ходили рассказы о том, что время от времени люди видели на Кремлевской стене бродящую между зубцами тень царевича Дмитрия, и находились этому очевидцы.

У семи нянек дитя без глазу

«Никогда Россия не была в столь бедственном положении, как в начале семнадцатого столетия: внешние враги, внутренние раздоры, смуты бояр, а более всего совершенное безначалие – все угрожало неизбежной гибелью земле русской». Так начинается самый известный и, надобно сказать, лучший русский роман XIX века о Смутном времени – «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году» Михаила Николаевича Загоскина.

Действие этого романа происходит в последний период Смуты – после свержения царя Василия Шуйского и до освобождения Москвы народным ополчением Минина и Пожарского.

Когда был отрешен от царства Василий Шуйский, силою пострижен в монахи и заключен в Чудовский монастырь, бояре – организаторы заговора против него, начали обсуждать нового кандидата на престол.

В то время в Москве оказались семь членов Боярской думы – князя Мстиславский, Воротынский, Трубецкой, Лыков, два Голицына (но в правительство был введен один из рода), боярин Иван Никитич Романов и родственник Романовых боярин Шереметев, которому, по преданию, принадлежит фраза, решившая избрание на царство Михаила Федоровича: «Выберем-де Мишу Романова, он молод и еще глуп»; они образовали правительство России, которое в официальных грамотах называлось «сedmочисленные бояре».

Начались заседания нового правительства со споров, из какого боярского рода должен быть новый царь, но, не найдя согласия, «сedmочисленные бояре» приняли решение не избирать царя из русских родов. Полякам это было на руку, так как польский король уже решил, что русский трон должен занять или он сам, или его сын. В эти же дни к Москве подошли польские войска под командованием известного полководца канцлера Станислава Жолкевского и остановились в пригородах.

Народ в Москве волновался. Бояре понимали, что достаточно малейшего повода, и поднимется бунт. В страхе они послали к Жолкевскому посла, объявив, что готовы признать русским царем сына Сигизмунда III Владислава.

Польский канцлер вступил с ними в переговоры. Составили договор. Бояре выдвинули ряд условий, которые гарантировали бы им, что они останутся у власти и сохранят свои имена. Договорились, что Владислав примет православную веру, женится на русской, что в своем ближайшем окружении он будет иметь лишь небольшое число поляков и так далее. Жолкевский принял все условия, понимая, что это соглашение немногого стоит и всегда может быть изменено. Бояре не без оснований полагали, что москвичи, узнав о решении возвести на русский престол королевича державы, находящейся с Россией в состоянии войны, перебьют их, и поэтому ночью отворили городские ворота, через которые под покровом темноты в Москву вошло польское войско. Проснувшиеся утром москвичи с удивлением увидели польских солдат в Кремле, на всех московских улицах и площадях и поняли, что бояре их предали.

Между тем к «сedmочисленным» присоединились и те бояре, которые в свое время переметнулись к Лжедмитрию II, а потом – к Сигизмунду: Салтыковы, Вельяминов, Хворостинин и другие.

Очень скоро оказалось, что «сedmочисленные бояре», называясь правительством, фактически им не являются и вынуждены своим именем подписывать указы и распоряжения оккупационных властей. Впоследствии бояре говорили, что находились они «все равно что в плену», им «приказывали руки прикладывать – и они прикладывали». Отстаивая каждый свою собственную личную выгоду, бояре попали в общую беду.

В это время Россия испытывала на себе в полной мере все те беды, которые несет с собою Смута и государственное неустройство: польские и шведские отряды захватывали и грабили русские города, повсюду объявлялись разбойничьи шайки, по России ездили эмиссары правительства, склоняя жителей к избранию Владислава царем, вновь пошли слухи о том, что царевич Дмитрий спасся, и вооруженные отряды молодцов, отставших от крестьянской работы и привыкших добывать средства к существованию силой, шатались по стране с намерением пристать к войску «законного» государя. Деревни стояли разоренные, поля пустые, города наполнились нищими. Особенно тяжело приходилось москвичам: знатные и богатые подвергались насилию со стороны поляков, а уж простому человеку и вовсе негде было искать правды и защиты... Припоминали старину, сравнивали прошлое горе с нынешним, и казалось, что теперешнее – горше. «Лучше грозный царь, чем семибоярщина», – говорили тогда в Москве, и эта пословица жива до сих пор.

«Седьмочисленные бояре» отсиживались в Кремле: их не выпускали поляки, да и сами они боялись показаться народу. Досиделись они взаперти до того самого часа, когда ополчение под руководством Минина и Пожарского, разгромив польское войско, осадило Кремль, и поляки готовы были сдаться, прося лишь одного: чтобы им сохранили жизнь. Пожарский обещал, что ни один пленный не будет убит.

Тогда открылись Троицкие ворота, сначала – перед собой – поляки выпустили бояр. Князь Мстиславский как старший среди них шел первым, за ним остальные – бледные, испуганные, с опущенными головами. «Изменники! Предатели! – кричали казаки. – Их надо всех перебить, а имущество поделить среди войска!» К боярам тянулись руки, еще миг – и их разорвут в клочья. Но князь Пожарский со своим отрядом оттеснил людей и вывел бояр из толпы.

Так закончилось правление «седьмочисленных бояр». Хотя Пожарский и спас их жизни, они не решились остаться в Москве и, забрав семьи, разъехались по дальним своим деревням.

Правление семи бояр оставило по себе долгую и недобрую память. Это время народ называл «семибоярщиной». С тех пор какую-либо порожденную властью неурядицу на Руси стали именовать «московской разнобоярщиной». Были и другие пословицы, в которых упоминались «седьмочисленные бояре». Интересна, например, такая: «Эк, куда хватил: семибоярщину припомнил!» Б. Шейдлин в брошюре «Москва в пословицах и поговорках» (М., 1929) комментирует ее так: «Затем уже семибоярщину стали вспоминать как нечто очень давнее, позабытое и невозвратное». А может быть, у нее и другой смысл: ответ на незаконные требования какого-нибудь зарвавшегося начальника, не желающего признавать законы и обычаи.

Но одна пословица, родившаяся во времена семибоярщины, а потом оторвавшаяся от конкретного факта и обратившаяся в универсальную сентенцию, и в настоящее время является одной из самых распространенных, это пословица «У семи нянек дитя без глазу». Она имеет варианты: «У семи нянек дитя без рук», «У семи нянек дитя – урод». Также имеются варианты, в которых говорится не о нянках, а о пастухах, вот, пожалуй, лучший из них (и как он характерен для любой семибоярщины): «У семи пастухов стадо – волку корысть».

Борода-то Минина, а совесть-то глиняна

Александр Николаевич Островский в 1854-м завел тетрадь для записей. О том, что именно он собирался записывать, дает представление ее пространное название: «Замечательные русские простонародные рассказы, притчи, сказки, присказки, побасенки, песни, пословицы, поговорки, обычаи, поверья, областные слова и проч. Происшествия, биографии, прозвища, клички, брань, письма. Начал собирать в апреле 1854 г.». К сожалению, Островский вскоре оставил свой замысел, но даже и то, что было записано, представляет собой любопытные штрихи московской, преимущественно купеческой, простонародной речи. Среди пословиц и поговорок им была записана и пословица, о которой идет речь.

Позже, вплоть до 1920-х годов, эта пословица не раз встречалась фольклористам, и не только в Москве, но и в центральных, и в северных районах России.

Пословица возникла, скорее всего, в 1830—1840-е годы, спустя некоторое время после установки на Красной площади в 1818 году памятника Минину и Пожарскому – первого в Москве скульптурного памятника. Памятник был воздвигнут в ознаменование победы в Отечественной войне 1812 года. В ту войну имена героев XVII века были символом освободительной борьбы и ее знаменем: царский манифест о народном ополчении, приказы главнокомандующего призывали народ к тому, чтобы враг и ныне встретил в каждом дворянине Пожарского, в каждом гражданине – Минина. Таким образом, этот памятник, соединив в себе две эпохи единой идеей патриотизма, стал и московской достопримечательностью, и национальным символом.

Шестнадцатилетний студент Н.В. Станкевич в 1829 году пишет четверостишие «Надпись к памятнику Пожарского и Минина»:

Сыны отечества, кем хищный враг попран,
Вы русский трон спасли – вам слава достоянье!
Вам лучший памятник – признательность граждан,
Вам монумент – Руси святой существованье!

А юный Виссарион Белинский, в 1829 году приехавший в Москву, чтобы поступить в университет, рассказывая в письме к друзьям в Чембар о своих впечатлениях от столицы, пишет о памятнике, на котором начертана «краткая, но выразительная надпись: «Гражданину Минину и князю Пожарскому благодарная Россия»: «Когда я прохожу мимо этого монумента, когда я рассматриваю его, друзья мои, что со мной тогда делается! Какие священные минуты доставляет мне это изваяние! Волосы дыбом поднимаются на голове моей, кровь быстро стремится по жилам, священным трепетом исполняется все существо мое, и холод пробегает по телу. Вот, – думаю я, – вот два вечно сонных исполина веков, обесмертившие имена свои пламенною любовью к милой родине. Они всем жертвовали ей: именем, жизнью, кровью. Когда Отечество их находилось на краю пропасти, когда поляки овладели матушкой-Москвой, когда вероломный король их брал города русские, – они одни решились спасти ее, одни вспомнили, что в их жилах текла кровь русская. В сии священные минуты забыли все выгоды честолубия, все расчеты подлой корысти – и спасли погибающую отчизну. Может быть, время сокрушит эту бронзу, но священные имена их не исчезнут в океане вечности. Поэт сохранит оные в вдохновенных песнях своих, скульптор в произведениях волшебного резца своего. Имена их бессмертны, как дела их. Они всегда будут воспламенять любовь к родине в сердцах своих потомков. Завидный удел! Счастливая участь!»

О большом и широком народном интересе к памятнику Минину и Пожарскому, а также к другим московским историческим и архитектурным достопримечательностям свидетель-

ствуется многократно переиздававшаяся в течение XIX века серия лубочных листов «Пантюшка и Сидорка осматривают Москву».

Сюжет серии незамысловат: в Москву приезжает из деревни парень Сидорка, и его земляк Пантелей, живущий в Москве и к тому же немного грамотный, водит друга по столице, рассказывая о наиболее любопытных местах.

Перед памятником Минину и Пожарскому между земляками происходит такой разговор, служащий подписью к лубочной картинке:

«Сидорка. Глянь-ка, Пантюха! Вон это, на большом камне-то стоит не Росланей ли богатырь? Не царь ли Огненный щит и пламенное копье?

Пантюшка. Э, брат Сидорка, уж ты к Еруслану заехал, Лазаревича запел! Это, вишь ты, памятник богатырям русским, которые спасли Русь от поляков. Это стоит Кузьма Минин, а это сидит князь Пожарский.

Сидорка. Уж впрямь, что богатыри, есть в чем силе быть! Рука-та ли, нога-та ли, али плечи-та – того гляди, один десятка два уберет!

Пантюшка. Дурашка, да ты мекаешь – они такие и были? Это нарочно так их представили, чтоб показать их великое мужество и великую любовь к родимому Отечеству.

Сидорка. Ну, Пантелей Естифеич! Недаром говорят, что за одного ученого двух неученых дают. Вот то ли дело, как ты маракуешь грамоте-то и понаторел у дьячка-то Агафона Патрикеича!»

Ксенофонт Полевой – известный московский журналист и издатель 1830—1840-х годов, по происхождению купеческий сын, не так восторжен и романтичен, как юный Белинский, но и он в очерке «Москва в середине 1840-х годов» отмечает нравственное влияние памятника Минину и Пожарскому на москвичей. «Можно ли, – пишет он, – чтобы такое прошедшее не имело влияния на значение Москвы и на нравственный характер ее жителей? Конечно, современное вытесняет все впечатления, и человек, бегущий по своим делам мимо памятника Минину и Пожарскому, мимо Лобного места к Москворецкому мосту, не вспоминает о величайшем подвиге в нашей истории, подвиге освобождения Москвы и России... Но не всегда же самый занятый человек бывает погружен в свои дневные заботы; иногда, хоть изредка, посреди тревог и тягостей жизни, грудь его подымается от облегчительного вздоха, ум светлеет и глаза падают внимательнее на окружающие его предметы».

На картинах и литографиях середины XIX века, изображающих Красную площадь, почти всегда возле памятника Минину и Пожарскому мы видим колоритную фигуру купца – с семейством, с приятелем или в одиночку. Как, например, на литографии Ф. Бенуа (1840-е годы) представлены и прогуливающаяся группа – купец с супругой и двумя дочерьми, и тут же другой купец, рассматривающий памятник в зрительную трубу.

Кузьма Минин – герой, почитавшийся всей Россией, кроме того был особо, так сказать, корпоративно, почитаем купечеством. Свой герой, из купцов, в те времена был просто необходим поднимающемуся классу купечества, начинавшему играть в государстве все более и более значительную роль. Поэтому-то, стоя перед памятником, установленным на главной площади Москвы, глядя на величественное бронзовое изображение и поглаживая собственную бороду, такую же, как у знаменитого российского гражданина, купец с гордостью думал: «Вот ведь на что мы, купцы, способны! Коли доведется, и мы спасем Отечество».

Но часто бывало и так: перед памятником душа возносится ввысь, а в лабазе и в лавке забота о выгоде, о прибыли вытеснит все остальные чувства и помышления, и самой большой радостью станет удавшийся обман покупателя. (У Островского записана купеческая шутка: «Что весел, аль украл что?») Вот по такому поводу и сложена укоризненная пословица: «Борода-то Минина, а совесть-то глиняная».

В мае 1924 года памятник Минину и Пожарскому стал поводом для острой политической эпитафии. Ситуация в стране невольно вызвала историческую параллель между современностью и Смутой XVII века.

Шел первый после смерти В.И.Ленина съезд партии – XIII съезд РКП(б). На нем обсуждался острый вопрос о персональных назначениях. В Москве было известно о письме Ленина съезду, в котором он давал характеристики главнейшим деятелям партии. Все с волнением ожидали, кто займет в партии место Ленина.

С главным докладом на съезде – «Политическим отчетом ЦК РКП(б)» – выступил Григорий Зиновьев. По негласному правилу, с таким докладом должен был выступать первый человек партии, ее вождь. Пошли толки о том, что Зиновьеву каким-то образом удалось захватить власть, и ему уже дали прозвище «новый Гришка Отрепьев».

А на памятнике Минину и Пожарскому, который тогда стоял посреди Красной площади напротив Сенатской башни, и рука Минина указывала на Кремль, в эти дни (как утверждает предание) появилась надпись:

Смотри-ка князь,
Какая мразь
В Кремле сегодня завелась!

В 1930 году памятник Минину и Пожарскому с середины Красной площади был перенесен к собору Василия Блаженного и повернут. Теперь Минин указывает на Исторический музей.

В связи с идеей возвращения Красной площади ее исторического облика стоит вопрос о возвращении памятника Минину и Пожарскому на его первоначальное место.

Тем более что первый шаг уже сделал: в 1993 году на Красной площади был восстановлен снесенный в 1936 году Казанский собор, построенный в XVII веке в память освобождения Москвы в 1612 году.

Делу время, а потехе час

У этой пословицы два автора – царь Алексей Михайлович и народ, «поправивший» царя, в результате чего царская сентенция и стала народной пословицей.

Смысл этой пословицы как при употреблении в живой речи, так и в литературе вполне определенный. Н.С. Ашукин в своем справочнике «Крылатые слова» (М., 1966) приводит два литературных примера: из воспоминаний В.В. Вересаева, чья родная языковая среда – интеллигентский круг, и из статьи М. Горького – носителя народной, а точнее простонародной, языковой стихии. Эти примеры говорят о едином, общенародном понимании смысла пословицы.

Цитата из «Воспоминаний» В.В. Вересаева: «Началось учение – теперь в гости нельзя ходить... Это проводилось у нас очень строго: делу время, а потехе час. В учебное время – никаких развлечений, никаких гостей».

Цитата из М. Горького (статья «Об анекдотах»): «Само собой разумеется, что я не против развлечений, но по условиям нашей действительности развлечения нуждаются в ограничении: “делу – время, а потехе – час”».

Смысл этой пословицы, которая утверждает, что делу следует посвящать основную часть жизни, а развлечениям – ограниченное время, полностью в традициях народной трудовой морали. Она стоит в том же ряду, что и другие пословицы о труде, приводимые В.И. Далем: «Гулять – гуляй, а про дело не забывай», «Не пиры пировать, коли хлеб засеять», «Маленькое дело лучше большого безделья»...

Но изречение царя Алексея Михайловича – прямой источник и почти полная копия народной пословицы (они отличаются только одной буквой) – имеет иное, чуть ли не прямо противоположное значение, и, если обратиться к обстоятельствам появления царского «крылатого слова», это становится особенно понятным.

Царь Алексей Михайлович был страстным любителем соколиной охоты. С ранней весны до поздней осени он почти ежедневно выезжал в поле, то есть на охоту. На Руси издавна охоту, если она не являлась промыслом, называли «потехой».

Царская соколиная охота была хорошо организована. В «кречетнях» в селе Коломенском и селе Семеновском, в «сокольничьих дворах» в слободе Сокольники содержалось более трех тысяч ловчих птиц. Их обслуживали сотни служителей-сокольников. Огромные средства тратились на соколиную охоту. Птиц доставляли издалека – с Двины, из Сибири, с Волги, каждую птицу везли «с бережением» в особом возке, обитом войлоком.

Одежды сокольников и снаряжение птиц поражали богатством – золотым шитьем, драгоценными камнями. Иностранцы, которых царь в знак особой милости приглашал на охоту, описывали ее восторженно.

Ведало царской охотой самое влиятельное учреждение в государстве – Тайный приказ.

Какое важное, можно сказать, государственное значение придавалось при дворе Алексея Михайловича соколиной охоте, рассказывает австрийский посланник Мейерберг. Однажды он попросил показать ему охотничьих кречетов. Прошло полгода, посланник потерял надежду, что его просьба будет исполнена, тем более что ему объяснили: птиц показывают только лицам приближенным и удостоенным особой милости.

Но полгода спустя, рассказывает Мейерберг, «в воскресенье на масленице... вдруг вошел к нам в комнату первый наш пристав и с великою важностью, как будто было какое-нибудь особенное дело, пригласил нас перейти в секретный кабинет наш. Вслед за нами явился туда царский сокольничий с 6 сокольниками в драгоценном убранстве из царских одежд (имеется в виду: пожалованных царем. – В.М.). У каждого из них на правой руке была богатая перчатка с золотыми обшивками, и на перчатке сидело по кречету. Птицам надеты

были на голову новенькие шелковые шапочки (клобучки), а к левой ноге привязаны золотые шнурки (должики). Всех красивее из кречетов был светло-бурый, у которого на правой ноге блистало золотое кольцо с рубином необыкновенной величины. Пристав обнажил голову, вынул из-за пазухи свиток и объяснил нам причину своего прихода: что-де «великий государь, царь Алексей Михайлович (следовал полный его титул), узнав о нашем желании видеть его птиц, из любви к верному своему брату – римскому императору Леопольду – прислал к нам на показ 6 кречетов».

В 1656 году по повелению царя было составлено подробнейшее руководство по соколиной охоте «Книга глаголемая Урядник: новое уложение и устройство чина сокольников пути».

В «Уряднике» описываются различные виды и правила «красные и славные птичьи охоты» с кречетами, соколами, копчиками и другими охотничьими птицами. Начинается же «Урядник» с обращения к читателю-охотнику:

«Молю и прошу вас, премудрых, добродетельных и добродетельных охотников, насмотритесь всякого добра; вначале – благочиния, славочестия, устройства, уряднения, сокольников чина начальным людям и птицам их, и рядовым по чину же; потом на поле утешайтесь и наслаждайтесь сердечным утешением во время. И да утешатся сердца ваши, и да пременяются и не опечалются мысли ваши от скорбей и печалей ваших.

И зело потеха сия полевая утешает сердца печальныя и забавляет веселием радостным и веселит охотников сия птичьа добыча. Безмерно славна и хвальна кречатьа добыча. Удивительна же и утешительна и челига (челига – самец охотничьей птицы. – В.М.) кречатьа добыча. Угодительна потешна дермлиговая (дермлига – мелкая птица из рода ястребов, отличается особым азартом при охоте. – В.М.) перелазка и добыча. Красносмотрителен же и радостен высокова сокола лёт. Премудра же челигова соколя добыча и лёт. Добровидна же и копцова добыча и лёт. По сих доброутешна и приветлива правленных ястребов и челигов ястребьих ловля; к водам рыщение, ко птицам же доступание. Начало же добычи и всякой ловле – рассуждения охотников временам и порам; разделение же птицам – в добычах. Достоверному же охотнику несть в добыче и в ловле рассуждения временам и порам: всегда время и погоды в поле.

Будите охочи, забавляйтесь, утешайтесь сею доброю потехою, зело потешно и угодно и весело, да не одолеют вас кручины и печали всякие. Избирайте дни, ездите часто, напускайте, добывайте, нелениво и бескучно, да не забудут птицы премудрую и красную свою добычу».

Алексей Михайлович был согласен с тем, что было написано в «Уряднике», потому что его увлечение охотой и преданность ей не знали границ. Вполне вероятно, что подьячий, «чин сокольников пути», писавший «Урядник», просто повторял слова царя и его высказывания разного времени. Письма государя полны вопросов, приказов, забот и распоряжений, касающихся соколиной охоты.

В душе Алексей Михайлович и сам полагал, что для охоты «всегда время и погоды» и что на охоту нужно «ездить часто», как он обычно и поступал. Но возможно, в «Уряднике» – а что написано пером, как говорится, не вырубишь топором – уж очень очевидно проявилось предпочтение охоты-забавы всем другим, в том числе и государственным делам. Видимо, поэтому царь приписал (в подлинной рукописи «Урядника» писец указал: «написано царского величества рукою») свои замечания, которые озаглавил: «Прилог книжный или свой» (то есть собственное, авторское поучение).

«Правды же и суда, и милостивыя любве, и ратного строя, – написал царь, напоминая и о служебном долге, – николиже (не) позабывайте: делу время и потехе час».

Смысл заключительного высказывания Алексея Михайловича состоит в том, что необходимо заниматься и охотой, и делами. Сейчас слово «время» обозначает длительную про-

тяжесть времени, а «час» – ограниченный, небольшой его отрезок. В XVII веке эти слова выступали синонимами (остатки их синонимичности сохранились до сих пор, например в выражении: «наступило время чего-то» – «пришел час»). Кроме того, в царском афоризме на равноценность обеих его частей указывает соединительный союз «и».

Считая царскую охотничью потеху таким же важным занятием, как государственные дела, Алексей Михайлович имел для того некоторое основание, так как во время охоты, представлявшей собою многочасовую, а то и многодневную церемонию, происходили неофициальные встречи, велись приватные разговоры, решались незаносимые в протокол вопросы.

Хотя книга «Урядник» была рукописной и использовалась при дворе, списки ее были довольно широко распространены среди бояр и дворян, державших собственную охоту, поэтому и царская сентенция в этих кругах также была хорошо известна.

Петр I, в отличие от отца, к охоте относился прохладно, при нем царская соколиная охота пришла в упадок, и затем уже никогда больше не занимала в придворном обиходе такого места, как при Алексее Михайловиче.

Однако его афоризм из «Урядника сокольничья пути» продолжал свое существование в фольклоре. В отрыве от контекста он потерял свое обоснование и началось его новое осмысление.

«Словарь живого великорусского языка» В.И. Даля отметил первый этап на пути его нового понимания. Началось с того, что выпал союз «и», у Даля пословица записана без него: «Делу время, потехе час».

Затем – видимо, в середине XIX века – союз появляется вновь, но это был уже не тот союз, а другой – не соединительный «и», а противительный «а», – закрепивший и утвердивший новое значение пословицы, ставшее общеупотребительным, то есть что делу следует уделять больше времени, чем потехе.

Коломенская верста

Лет пятьдесят назад выражение «коломенская верста» употреблялось в живой речи без тени сомнения в том, что кто-то не поймет его. В «Толковом словаре русского языка» 1935 года Д.Н. Ушакова оно снабжено пометой «разг.», что значит разговорное. Высокий человек, оказавшийся в первых рядах толпы, глазеющей на что-то и загораживающий обзор стоящим сзади, почти наверняка мог услышать в свой адрес: «Эй ты, верста коломенская!» Сейчас из живой речи «коломенская верста» ушла в газетно-журнальные подборки «Знаете ли вы» и «Это интересно», в специальные фразеологические словари. Но возможно, она вернется в живую речь, поскольку сейчас уже заметно возрождение интереса к классической русской и советской литературе, а там она встречается в произведениях многих авторов.

«Чрезвычайно высокий верзила», – объясняет значение выражения «с коломенскую версту» Д.Н. Ушаков, а С.В. Максимов в своей книге «Крылатые слова» (1890 г.) объясняет, что человека высокого роста на севере называют «жердям» и «долгаем», в других губерниях – «верзилой» и «долговязым», а московские люди – «коломенской верстой».

Подмосковное село Коломенское самим своим названием, однокоренным со словом «околица», показывает, что находится на окраине, но уже полвека, как оно вошло в черту города, к счастью сохранив некоторые свои исторические памятники. Сейчас Коломенское – историко-архитектурный заповедник.

Коломенское издавна принадлежало московским князьям, и самое давнее упоминание о нем в документах относится к 1328 году и содержится в завещании Ивана Калиты, который завещал Коломенское своему младшему сыну Андрею. А заселены эти места были намного раньше: археологи обнаружили здесь поселения людей конца тысячелетия до нашей эры – первых веков нашей эры.

Московские князья наезжали в Коломенское, жила там. Дмитрий Донской останавливался в нем, возвращаясь с Куликовской битвы. Иван Грозный построил здесь себе потешный, то есть увеселительный, дворец. Но наибольший расцвет Коломенского приходится на середину XVII века, на царствование Алексея Михайловича, который сделал это село своей постоянной летней резиденцией.

В Коломенском провел детство Петр I; существует мнение, что он там и родился. Знаменитый поэт и драматург XVIII века А.П. Сумароков посвятил Коломенскому стихотворение, в котором писал:

Российский Вифлеем, Коломенско село,
Которое Петра на свет произвело...

В историко-архитектурном заповеднике Коломенском сохранились памятники разных эпох. В Волосовом овраге лежит камень-валун причудливой формы, который, как утверждает предание, почитали местные жители-язычники в дохристианские времена. Сохранилась церковь Вознесения, поставленная на высоком берегу в 1532 году великим князем Василием III, о ней летописец пишет: «Бе же церковь та велми чудна выотою и красотою, такова не бывала прежде сего на Руси». В XVI веке построена и церковь Иоанна Предтечи. Некоторые историки архитектуры считают, что ее строил замечательный древнерусский зодчий Барма, создатель храма Василия Блаженного на Красной площади.

От XVII века – времени царя Алексея Михайловича – остались белокаменные парадные въездные Передние ворота с часовой башней, церковь Казанской иконы Божией Матери, водовзводная башня.

К сожалению, до нас не дошел дворец Алексея Михайловича – главная его постройка в Коломенском, предмет его забот и гордости. Но сохранились рисунки дворца и описания, по которым мы можем его себе представить.

Замысловатой архитектурой и красотой коломенского дворца, построенного целиком из дерева, восхищались современники – россияне и иностранцы.

Он представлял собой прихотливое, на поверхностный взгляд случайное, но в действительности глубоко обдуманное скопище теремов, башенок, переходов, сеней, гульбищ, завершающихся самыми разнообразными по форме крышами – шатрами, кубами, луковичами, шлемами, бочками; окна были обрамлены резными наличниками, кровли украшены железными позолоченными подзорами, флюгерами и прапорами (флажками).

Коломенский дворец поражал также и своей обширностью: в нем было 270 помещений. Внутри он был расписан хитрой росписью: цветами, травами, фигурами, изображавшими страны света, времена года, знаки зодиака, картинами на сюжеты древней истории и Библии. Многие живописные работы исполнил лучший тогдашний живописец Симон Ушаков. Под стать была и мебель: резные, мраморные и полированные – «на китайское дело» – столы, стулья, скамьи. Печи облицованы цветными изразцами. Во дворце было собрано много диковин. Одна из них – механические звери – львы, которые под действием скрытого механизма разевали пасти и рыкали.

Придворный поэт Алексея Михайловича ученый монах Симеон Полоцкий написал приветственные стихи на благополучное вселение царя в новый дворец, «предивною хитростию, пречудною красотою в селе Коломенском новосозданный», и назвал его «восьмым чудом света».

Окна, яко звезд лик в небе сияет,
драгая слюда, что серебро, блистает.
Множество жилищ, градови равнится, —
все же прекрасны, — кто не удивится!..
Единым словом, дом есть совершенный,
царю велику достойне строенный;
По царской чести и дом зело честный,
несть лучше его, разве дом небесный.
Седьм дивных вещей древний мир читаше,
осьмый див сей дом время имат наше.

Надобно отметить, что это стихотворение Симеона Полоцкого открывает собою поэтическую летопись древней столицы, в нем впервые в русской поэзии дано стихотворное описание замечательного московского архитектурного сооружения.

Коломенская царская усадьба занимала большую территорию. Вокруг дворца были разведены сады, устроен парк, выкопаны пруды, в которых разводили карасей для царского стола. В усадьбе было все нужное для хозяйственных надобностей и «для прохлады», то есть для отдыха и развлечения.

Уделяя большое внимание самому Коломенскому, Алексей Михайлович озаботился и о дороге, ведущей к нему из Кремля: ее поправили, где надо, подсыпали, положили гати, построили мосты. На Руси обычно в зимнее время, когда снег заметал дорогу, вдоль нее ставили вехи – шесты, жерди с пучком соломы, чтобы путник не сбился с дороги. Но вдоль Коломенской дороги были установлены – в новинку и диковинку – постоянные верстовые столбы. По преданиям, были они чрезвычайно высоки: в две сажени. Сажень в те времена имела немного больше двух метров, значит, коломенский столб имел в высоту 4 метра.

В связи с установкой столбов вдоль дороги возник шутливый рассказ. Ехал запорожский казак по полю (а дорога в Коломенское шла в основном по равнине), задел за столб, осердился: «Ажно проехать стало невозможно: наставили москали верстов на дороге!»

А москвичи стали сравнивать с коломенской верстой человека очень высокого роста.

А.Н. Толстой, полагая, что эта пословица употреблялась и в царском обиходе, вкладывает в уста царевны Софьи в романе «Петр Первый» такие слова о Петре: «Ему уж пятнадцатый годок пошел. Вытянулся с коломенскую версту».

Так что мы можем считать иллюстрацией к «коломенской версте» изображение Петра I в рост: «восковую персону» из Эрмитажа или на замечательной картине В.А. Серова «Петр I», где царь идет против ветра по взморью на фоне строящегося Петербурга.

Долгий ящик

Из истории государства Российского мы знаем, что в народе всегда теплилась надежда на доброго царя и уверенность, что он не знает о том, какие беззакония творят его чиновники и «слуги» разных рангов. О чем говорят и пословицы «Не ведает царь, что делает псарь», «Царю застыят, народ напастят».

Время от времени тот или иной властитель, поддерживая эти настроения, объявлял, как бы теперь сказали, в популистских целях, о своем желании вести разговор с народом напрямую, минуя посредников. К таким актам относится и повеление царя Алексея Михайловича поставить в Коломенском возле царского дворца на столбе особый ящик, в который всякий, кому есть нужда, мог положить жалобу или прошение на царское имя. Было объявлено, что попадут эти челобитные, минуя подьячих, прямо в собственные царские руки.

Идею ящика, видимо, подсказал царю старинный обычай оставлять челобитные на имя царя в Архангельском соборе Кремля на гробницах царских предков.

Обид на Руси всегда было много, челобитных писалось без числа, потому поставили ящик большой и глубокий – «долгий», как называли тогда.

Слово «долгий» в русском языке имело (да и сейчас имеет) несколько значений. «Долгий» – это протяженный в пространстве, здесь оно близко к слову «длинный»: долгобородый, долгоногий. «Долгий» – это просто большой; сейчас мы не чувствуем в слове такого значения, но его сохранили древнерусские письменные памятники: «Стоит град долог, а в нем сидит царь с царицей». И наконец, «долгий» – значит протяженный во времени: долговременный, долголетие. Все эти значения одного слова и способствовали тому, что выражение «долгий ящик» обрело столь долгую жизнь.

В «долгий ящик» царя Алексея Михайлович посыпались челобитные от тех, кто не имел доступа к царю, а это, конечно, были простые люди, бедняки, обиженные «сильными людьми»: у кого отобрали имущество, кого в холопы забрали, кого боярин до полусмерти избил, кого приказные до нитки обобрали.

О содержании жалоб простого люда яркое представление дает общая челобитная москвичей, поданная царю перед Соляным бунтом в 1648 году:

«Тебе, великому государю, царю и великому князю Алексею Михайловичу, всея Руси, представляем мы все от всяких чинов людей и всего простого народа... С плачем и кровавыми слезами /.../ челом бьем, что твои властолюбивые нарушители крестного целования, простого народа мучители и кровопийцы, и наши губители, всей страны властвующие, нас всеми способами мучат, насилья и неправды чинят».

Наряду с жалобами на большие притеснения писали и о мелких, но для бедного человека чувствительных обидах.

Маринка, Лукьянова дочь, жена владельца какой-то маленькой лавчонки на Тверской улице, жаловалась на бесчинство объезжего головы: «...объезжий Василей Нагаев /.../ учал меня бранить и поталкивать, беременного человека /.../ и ныне лежу беременна на сносях при смерти».

На побои, учиненные патриаршим слугой Митькой Матвеевым, подала жалобу вдова Феолка. Жалобу писал наемный писец, поскольку вдова была неграмотна, поэтому он излагает происшествие в третьем лице; рассказывал писец о том, что явился ко вдове на двор патриарший слуга «и стал ее, Феолку, бранить матерно всякою непотребною бранью, и учал ее бить палкою незнаемо за что, и зашиб ей руку до руды (то есть до крови. – В.М.)». Квасник Алешка Симонов повествовал, что послал он работника своего Зиновейку на Красную площадь квасом торговать, и некий «торговый человек, что торгует на Красной же площади белугою кашею, а как его зовут, того он не знает, бил его, Зиновейку, и разбил у него кувшин

с квасом, а квасу в том кувшине было на пять копеек да копеешный кувшин», и просил, чтобы велел государь «того человека сыскать на съезжий двор».

Великая докука была царю разбирать все эти челобитные, да и не всегда руки до них доходили. Прочитанные же челобитные царь со своей надписью «разобрать и решить» отсылал в приказы. А там решали не спеша: порой решения приходилось дожидаться годами, многие же челобитчики вообще не получали ответа.

Поносили-поносили москвичи свои челобитные в «долгий ящик», а когда убедились, что толку от этого нет, стали дьяки вынимать из ящика всякие ругательные письма, писанные такими непотребными словами, что царю и показать нельзя.

После того ящик совсем убрали. Но память о нем осталась в поговорке: положить дело в долгий ящик – значит оттянуть его решение на неопределенно долгий срок, а скорее всего, и вообще не решить.

В советские времена, не знаю, как до войны, но после войны был установлен подле Кремля, в пристройке к Кутафьей башне под смотрением офицера ящик «Для жалоб и заявлений товарищу И.В. Сталину». И он оказался очередным долгим ящиком.

Одним миром мазаны

«Одним миром мазаны» – сейчас так обычно говорят о людях, которых в глазах общества объединяет какая-то внутренняя отрицательная черта, скрываемая за высказываниями и внешними приличиями, но в конце концов обязательно проявляющаяся в их поступках. В новейшем толковом словаре это выражение имеет категорическую помету о его стилистическом употреблении: неодобрительное.

Прежде поговорка «Одним миром мазаны» не имела такого оттенка, но была стилистически нейтральна, обозначая просто общность какой-либо группы людей. Например, известная писательница 1950—1960-х годов Галина Николаева, сказав о рабочих завода, что они честные, хорошие, трудолюбивые люди, подытожила свое высказывание: «все одним миром мазаны».

Эту двойственность поговорки обусловило ее происхождение и то, что речь в ней идет о вещах и обстоятельствах, известных сейчас лишь незначительному кругу людей.

Сыграла свою роль и современная орфография, упразднившая некоторые буквы, имевшиеся в традиционной «русской азбуке»: «ять», «фиту», «ижицу», «и – с точкой или десятиричное». Тем самым создалось затруднение в понимании значения некоторых слов, в которых эти буквы имели смыслоразличительное значение. Таковы слова «мир» – состояние, противоположное войне и «мир» – Вселенная, общество. Первое писалось с «и» обычным, второе – через «и с точкой». Название романа Л.Н. Толстого «Война и мир» в современном написании дает право толковать его в обоих значениях: годы войны – и годы мира, а также война – и общество. У Толстого «мир» написан через «и», замысел автора был отображен не только в содержании романа, но и в его названии.

А вот в заглавии поэмы В.В. Маяковского «Война и мир», написанной в 1916 году, слово «мир» напечатано через «и с точкой», речь идет о войне, охватившей все страны, весь мир.

Сейчас в выражении «одним миром мазаны» слово «миром» воспринимается каким-то непостижимым образом однокоренным с теми словами, о которых шла речь выше. На самом деле здесь слово «миром» не имеет с теми двумя ничего общего, кроме звучания. Путаницу опять же внесла реформа прежней орфографии: в слове «миром» звук «и» обозначался буквой «ипсилон», или, как она называлась в русской азбуке, «ижицей», кроме того, это слово в именительном падеже состоит из двух слогов – миро.

Миро – это специально приготовленное благовоние, которое употребляется в обрядах христианских церквей, им в определенных случаях производится помазание, то есть нанесение мира специальной кисточкой на лоб, глаза, уста, ноздри, уши, грудь, руки и ноги. Миропомазанием сообщается благодать Божия, и оно является одним из христианских таинств.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.